

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Альберт Праун

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА-СВЯЗИСТА ОБ УПРАВЛЕНИИ
ВОЙСКАМИ В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

1939—1945

За линией фронта. Мемуары

Альберт Праун

**От солдата до генерала.
Воспоминания офицера-
связиста об управлении
войсками в военных кампаниях
Третьего рейха. 1939—1945**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Праун А.

От солдата до генерала. Воспоминания офицера-связиста об управлении войсками в военных кампаниях Третьего рейха. 1939—1945 / А. Праун — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5271-8

Автор воспоминаний – ветеран двух мировых войн начал свою службу простым солдатом в 1913 г. в телеграфном батальоне в Мюнхене и закончил ее в Реймсе в чине генерала, в должности начальника связи сухопутных войск, когда в мае 1945 г. был арестован и отправлен в лагерь для военнопленных. Наряду с описанием событий на европейском фронте Праун отмечает важнейшее значение средств связи для успешных военных действий. Самым подробным образом он рассматривает различные виды связи, новые изобретения в этой области и сложности их внедрения в условиях войны. Особое внимание автор уделяет фронтовым будням немецкого солдата. Заканчивая воспоминания, генерал Праун делится своими переживаниями, вызванными новой катастрофой, постигшей германское оружие, и негодованием по поводу «несправедливого» процесса в Нюрнберге. В приложении представлены карты, схемы и приказы командования по соединениям связи времен Второй мировой войны.

УДК 94(4)"1939/1945"

ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-9524-5271-8

© Праун А.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	7
Мир и война, 1913-1918 гг.	8
Фанен-юнкер 1913-1914 гг.	8
На первой мировой войне – фенрих и лейтенант, 1914-1916 гг.	12
Верден – Аргон – Сомма-Ла-Басе, 1916 г.	21
В штабе 6-й армии, 1917 г.	26
На Восточном фронте, 1917 г.	30
Командир подразделения связи дивизии, 1918 г.	33
Между двумя мировыми войнами 1918-1939 гг.	36
Нюрнберг, 1919 г.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Альберт Праун
От солдата до генерала. Воспоминания
офицера-связиста об управлении
войсками в военных кампаниях
Третьего рейха. 1939 – 1945

Albert Praun

Soldat in der Telegraphen- und Nachrichtentruppe

ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА-СВЯЗИСТА ОБ УПРАВЛЕНИИ ВОЙСКАМИ В
ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
1939-1945

Серия «За линией фронта. Мемуары» выпускается с 2002 года

Разработка серийного оформления художника И.А. Озерова

Предисловие

Судьба распорядилась так, что все мои 32 года армейской службы были отданы немецким войскам связи. Начав простым фанен-юнкером, я стал ветераном этих войск, генералом. Переворот в технике и искусстве управления войсками, произошедший за годы двух мировых войн, придал первостепенное значение частям связи. Именно военным служащим-связистам, бескорыстным в своем стремлении вдохнуть жизнь в только что сложившийся организм, взрастить его и дать ему созреть, посвящается моя книга воспоминаний. В не меньшей степени она касается и всех тех отважных бойцов других родов войск, которые сражались под моим началом во Второй мировой войне в 262, 129 и 277-й пехотных дивизиях. Она посвящается всем моим соратникам и товарищам на фронте и на Родине. Мои дети и внуки из моего рассказа о тревожной истории одного поколения могут сделать важный вывод, что солдаты, исполняя свою зачастую неблагодарную задачу – защищать от внешних и внутренних врагов постоянно менявшиеся правительства, были людьми, со всеми своими недостатками и положительными сторонами, которые присущи тому народу, из которого они вышли.

Мои книги и первоначальные записи были утеряны. Причиной этого был плен. Поэтому я должен просить читателя извинить меня за неточность изложения отдельных событий, которые подчас складываются в грубую мозаику. Я должен быть благодарен случаю, что сохранились моя переписка с женой и краткие военные заметки и карты.

Мир и война, 1913-1918 гг.

Фанен-юнкер 1913-1914 гг.

Моя жизнь до армии была короткой, и завершилась она в 1913 г. в Мюнхене праздником «Октоберфест». Под яркими лучами солнца, что лились с голубого баварского неба, я стоял в толпе восторженных и радостных мюнхенцев, мужчин и женщин, и деревенских жителей, приехавших в город на праздник с предгорий Альп, и наблюдал за торжественным прибытием отца нации принца-регента Людвига с супругой. В шестиконном экипаже, которым управляли фореиторы в ливреях, сидел в мундире генерал-фельдмаршала Верховный главнокомандующий своей армией. Затем следовали экипажи принцев и принцесс; среди них был генерал от кавалерии принц Альфонс в зелено-белом мундире 7-го полка легкой кавалерии, которого народ приветствовал с особым ликованием. После проезда представителей династии Виттельсбахов все устремились на Луг Терезы (Терезиенвизе), где посетителей ожидали наполненные пивом пол-литровые кружки, жареный цыпленок и рыба, запеченная на углях, где можно было прокатиться на карусели и пострелять из арбалета или посетить сельскохозяйственную выставку. Затем на большой арене состоялись скачки сельских наездников. Повсюду встречались военные в ярких мундирах: голубые носили солдаты пехоты и тяжелой кавалерии, темно-синие – артиллеристы, саперы и обозные, зеленые – уланы и кавалеристы легкой кавалерии. Это была живописная картина сытого мира, феодальной демократии, где никто не думал о войне.

1 октября 1913 г., когда мне еще не исполнилось 19 лет, я поступил фанен-юнкером в Королевский Баварский 1-й телеграфный батальон в Мюнхене. Прежде за телеграфную связь отвечали инженерные войска. С 1901 г. в составе Инженерного корпуса в Баварии уже существовало самостоятельное телеграфное подразделение.

В связи с новыми задачами постоянно возрастала его численность, и отдельная телеграфная рота за несколько лет выросла до 2 батальонов с 7 подразделениями. В 1910 г. в новых казармах на Лазаретштрассе, 7 в Мюнхене были размещены 3 телеграфные роты, отделение конной тяги 1-го телеграфного батальона, 2 роты радиосвязи и кавалерийско-телеграфная школа 2-го телеграфного батальона.

Нам, курсантам Райну и мне, и двадцати вольноопределяющимся-одногодичникам, призванным в один день с нами, пришлось первые шесть недель усиленно заниматься строевой подготовкой. Подъем был в 4 часа утра, к 5 часам необходимо было напоить, накормить и вычистить лошадей, в шесть – быть в манеже. Спустя какое-то время после такой усиленной подготовки мы столь успешно освоили такие ее элементы, как подход к командиру и отдавание чести, что нам было разрешено уходить в увольнительную в город. Мы гордились своей формой: темно-синей с красным кантом и черным воротником с белыми петлицами, длинной саблей, шпорами и кивером, который надевали в торжественных случаях. Для увольнительной полагались белые перчатки.

К одногодичникам-вольноопределяющимся – некоторые из них, как и мы, два курсанта, окончили среднюю школу, другие уже имели высшее образование – присоединились в ноябре новобранцы, призываемые на два года. Они уже имели профессию и почти все были вольноопределяющимися; еще до призыва в армию они могли выбрать для себя воинскую часть и гарнизон. После основной подготовки одногодичники и мы, юнкера, были распределены по ротам. Мы продолжили обучение, не прекращая ежедневно исполнять обязанности на конюшне. Я попал в 3-ю роту, где новобранцев обучал обер-фенрих Ринкер. Редко появлялся старший лейтенант Хельвиг, часто – комроты капитан Дрекслер.

Он строго следил за дисциплиной и порядком. Его человеческие качества открылись мне не сразу. В течение дня у нас не было ни минуты отдыха. Много времени отнимала караульная служба и стояние на посту у ворот казармы, а также и ночное дежурство по конюшне. В Рождество 1913 г. началась подготовка к параду в честь дня рождения короля 7 января. Командир батальона майор Неес приказал сформировать конный взвод из одностаничников, юнкеров и унтер-офицеров. Все были в огромных кавалерийских сапогах со шпорами, несли длинную изогнутую артиллерийскую саблю. Острие сабли было направлено на левый глаз находившегося справа в строю кавалериста. Во время прохождения торжественного марша существовала опасность повредить глаза кавалериста, в случае если конь споткнется. И тут вмешался с отеческой заботой майор Неес. Мы должны были пройти торжественным маршем на Кёнигсплац перед нашим королем в пехотных сапогах и вооруженные карабинами вместо сабель. Это был первый праздничный день для 19-летних солдат. Кружила легкая поземка, и престарелый государь в генеральском шлеме с бело-голубым плюмажем и в золотых очках, казалось, пристально смотрел каждому в глаза.

В январе завершилось индивидуальное обучение, и в день рождения кайзера 27 января 1914 г. юнкера были произведены в унтер-офицеры. Не существовало никаких общественных обязанностей. Оба командира были молодыми парнями. Мы, курсанты, должны были в сопровождении Ринекера делать визиты к четырем офицерам обоих батальонов в семейной обстановке. Когда мы являлись в парадной форме к офицерскому обеду, командиры рот уже сидели с сослуживцами за бокалом вина, который они выпивали после утренней прогулки верхом и занятий чисто канцелярскими делами, прежде чем немного вздремнуть в полдень. Во второй половине дня они редко посещали казарму.

Райн, фенрих Фрич из 2-го батальона и я сидели среди нижних чинов за офицерским столом, председательствовал за которым мой дядя, в то время бывший адъютантом старшего лейтенанта Хаубса из 1-го батальона. Приходил зачастую к обеду и майор Неес. После окончания обеда, встав из-за стола и шелкнув каблуками, мы покидали собрание. У нас еще оставалось четверть часа на то, чтобы немного прилечь, прежде чем продолжить исполнение своих обязанностей.

Техническая подготовка была слабой. «Телеграфия» в телеграфном батальоне в 1910 г. уступила место телефонной связи. В роте еще существовал целый учебный зал, заполненный сияющими желтой медью аппаратами Морзе, которыми так и не воспользовались. Армейские и полевые телефоны были массивные, выдавшие виды ящики, обращение с которыми не требовало особых знаний. О том, как соединять концы оголенного провода, знали только в теории. Нам приходилось без электромонтажных кошек взбираться на телеграфный столб. Подвесные изоляторы не использовались вовсе, в учебной программе о них ничего не говорилось.

В «депо» унтер-офицер объяснял нам, как загружать «транспортное средство для телефонных аппаратов», затем мы разматывали, крутя ручку, учебный кабель, и нам показывали, как его надо чинить. Экономили на всем. К полевому снаряжению нельзя было даже прикоснуться. Неоднократно используемый учебный кабель рвался на каждом километре. Постоянные починки вели к плохой слышимости во время связи. Мы приступили к прокладке полевого кабеля сначала на территории казармы, затем вне ее – по Внешней Дахау-эрштрассе в городском квартале Герн и вдоль въездной аллеи дворца Нимфенбург. На деревьях устанавливали некое подобие «вилки» для провода, а на крышах его крепили на деревянных крючьях вдоль кровельных лотков. Через каждый километр мы проверяли связь. По трубам, проложенным в земле, прокладывались исключительно однопроводные линии вместе с обратной линией. Приходилось попотеть, чтобы обеспечить нормальную слышимость. Солдат инженерных войск напоминал рождественского Деда Мороза: на спине приспособление для переноски грузов, весь увешан армейскими телефонными аппаратами, из-под кивера торчат наушники,

на каблуке жестяная пластина-заземление. Все это снаряжение было настолько искусственно, что никогда так и не нашло применения в полевых условиях.

Особенно тяжелыми были работы по установке опор на открытой местности. Приходилось много бегать, когда лошади на рысях разматывали полевой кабель с намоточной катушки. Мне, как унтер-офицеру, капитан Дрекслер подчинил отделение связи, сформированное из одногодичников роты. Мы обучались вместе в одно и то же время, и я был с ними на «ты». Благодаря взаимопониманию мне удавалось поддерживать дисциплину не только в присутствии командира роты. Было сложно заставить верховую лошадь двигаться в нужном направлении. В короткие минуты отдыха мы наблюдали, как радисты устанавливали для антенн телескопические мачты на распорках с противовесами. У них было больше практики в работе с аппаратами Морзе по сравнению с нами; мы учились обращаться только с зуммером, чтобы при отсутствии голосовой связи с его помощью передать сообщение. На войне это так и не нашло применения. С кем радисты должны были установить связь, знали мы так же мало, как и о предназначении наших линий связи.

В перерывах между основными занятиями каждые две недели капитан Дрекслер командировал меня к унтер-офицерам роты и в канцелярию. Здесь сидели ротный фельдфебель Келлер и ротный писарь. Служебные обязанности военнослужащих на каждый день заносились в письменном виде в книгу приказов и зачитывались во время построения. В роте не было пишущей машинки. Каждые десять дней Келлер выплачивал каждому военнослужащему – от вице-фельдфебеля до новобранца включительно – пару-другую марок или несколько пфеннигов наличными. Делал он это во время устраиваемой специально по этому поводу поверки. Никаких квитанций не выписывалось. Обязательно присутствовавший при этом капитан спрашивал каждого до того, как раздавалась команда «разойдись», все ли было выплачено правильно. Бюрократизм тогда был ограничен до минимума. Каждый знал причитающуюся ему сумму.

От кладовщика на вещевом складе я узнал, как правильно по уставу хранить военную форму и постельное белье. Офицер артиллерийско-технической службы Хубер научил обращению с карабинами, пистолетами и штыками, показал, как заносить результаты стрельб в специальную книгу. Каптенармус рассказал о солдатском пайке, мыле и обтирочных концах, метлах и другом имуществе.

Солдат 1-го телеграфного батальона в те времена, когда связисты не составляли особый род войск, называли саперами. Ну а солдат 2-го батальона – радистами.

Офицерский корпус, за исключением его самых молодых представителей, сформировался в инженерных частях и испытывал к ним привязанность. Их поведению было присуще честолюбие. Офицеры стремились подражать в этом пехоте, которая в столице Баварии была представлена тремя бравыми полками. Закончилась строевая подготовка смотром стоявшей в сомкнутых рядах роты на Обервизенфельде. Капитан Дрекслер на коне появился перед строем с поднятой саблей. К роте приблизилась кавалькада всадников, среди них были командир батальона майор Неес, инспектор железных дорог и телеграфа полковник Клееман, шеф Королевского Баварского корпуса инженерных войск его превосходительство генерал-лейтенант фон Брут.

Затем настала очередь технических учений: сооружение линий связи на местности и организация службы эксплуатации телефонной связи. Они были на время прерваны весенним парадом мюнхенского гарнизона на Обервизенфельде в присутствии короля. Он двигался вдоль пестрого строя военных в экипаже, а затем принимал торжественный парад.

Наши солдаты инженерных войск сидели в повозках, запряженных четверкой лошадей. Прохождение на рысях всадников и запряженных повозок с солдатами сопровождалось страшным грохотом. За нами шел 2-й батальон с тяжелыми и легкими радиостанциями, часть радиостов была на конях. Все были в пышных и красочных мундирах мирного времени. Плюмаж на шлемах у кавалеристов был белый, у артиллеристов – красный, у солдат обоза – черный.

Мундиры были голубые, зеленые и темно-синие. Сверкали сабли, приплясывали великолепные кони, ликовали зрители. Никто не думал о том, что минует всего несколько недель и в мире разразится война и что блистательные войска участвовали в мирном параде в последний раз.

Кругозор юного солдата – с 1 июля фенриха – еще не выходил за рамки отделения, взвода, роты. Те знания, что одноклассники и фанен-юнкеры получили благодаря лейтенанту Фогту, ограничивались основами тактики и знания оружия. О том, что телеграфные подразделения могут принять участие в боевых действиях, мы не имели представления. Осенью 1914 г. я продолжил обучение в военной школе. Продолжительная тяжелая война заменила собой школу и всю теорию.

На первой мировой войне – фенрих и лейтенант, 1914-1916 гг.

Объявленная в августе 1914 г. мобилизация была восторженно встречена жителями Мюнхена. Они повсюду находили шпионов, били оконные стекла и верили, что вода в исправном водопроводе отравлена. Добровольцы наводнили казармы, резервисты уходили в армию. Мобилизация проходила без осложнений. Солдаты 2-го телеграфного батальона, с переносными радиостанциями в защитной форме стального цвета, первыми выдвинулись к французской границе. Мюнхенский пехотный полк под музыку оркестра проследовал к вокзалу. Наша 3-я рота по объездным улицам, в плохом обмундировании, без оружия и средств передвижения маршировала в направлении деревни Унзерхеррн близ Ингольштадта.

Там, в просторных казематах крепости, уже было подготовлено серое обмундирование, оружие, приборы, средства передвижения. К нашему разочарованию, вместо привычных киверов были шлемы в серых чехлах. Погоны были с красным кантом, как у саперов, в отличие от серой формы войск связи, которую мы теперь носили. На красной повязке на рукаве было написано «Телеграфный батальон 3-го корпуса». Благодаря резервистам новое подразделение достигло штатного расписания военного времени. Крестьяне поставили нам лошадей. Те привыкли тянуть за собой плуг или небольшую повозку, подчиняясь простым командам «Н-но!» и «Пошла!». Теперь же предстояло запрячь их четвериком и приучать к седлу. Пожалуй, это было самым сложным моментом нашей подготовки к войне.

Наконец наш корпусный телеграфный батальон с 5 телеграфными взводами и приданными 4 строительными подразделениями был готов к выступлению. Командиром 1-го взвода был лейтенант Хельвиг, 2-го – лейтенант Ринекер, 3-го – лейтенант резерва Биркхофер, 4-го – лейтенант резерва Пальм, 5-го – лейтенант ландвера Стефан. Я, будучи фенрихом, был назначен вахмистром 5-го взвода. Штаб батальона имел капитана медицинской службы и капитана ветеринарной службы и еще 2 офицеров связи. Одним из них был лейтенант Килиани, в чьей ответственности были два покрашенных в желтый цвет почтовых дилижанса, используемые для транспортировки нашего величайшего технического достижения того времени – коммутатора с десятью клапанами, предназначенного для связи с вышестоящим штабом. Капитану полагался автомобиль – белый лимузин, которым прежде владел князь фон Турн-унд-Таксис из Регенсбурга. Шофер, владелец пивоварни на Кармелитенхофс в Регенсбурге, унтер-офицер Бергмюллер в целях маскировки выкрасил автомобиль в зеленый цвет.

8 августа 1914 г. наш железнодорожный состав переезжал по мосту через Рейн близ Хагенау (Агно) под песню «Стража на Рейне». На всем протяжении пути на каждой остановке девушки с цветами приветствовали бойцов, не знавших, что их ожидает впереди. Нам приходило на память кровавые эпизоды последней войны против французов 1870 – 1871 гг.

Нас удивило, что в немецкой Лотарингии¹ приветливые девушки в Ремелахе, где мы были на постое, говорили только по-французски. Нам было далеко до них с нашим школьным французским. Мы находились южнее Меца, конкретной задачи нам не было поставлено, и наша часть выдвинулась в направлении Фалькенберга. Затем 20 августа 6-я армия пошла в наступление в западном направлении. Завязались бои в Лотарингии, и под напором французов наши войска отступили на свою территорию. Под палящими лучами солнца мы продвигались вперед шаг за шагом к кровавому полю битвы, сопровождаемые грохотавшими залпами тяжелых орудий нашего корпуса. Наибольшие потери понесли пулеметчики. Погибло много младших офицеров, которые шли в атаку, выхватив саблю и с биноклем на ремне, они служили идеаль-

---

¹ Отторгнутой, как и Эльзас, от Франции в 1871 г. (Здесь и далее примеч. ред.)

ной целью. Мы видели, как вдали в небе появлялись облака от разрывов шрапнели, и слышали глухие раскаты артиллерийского огня и треск пулеметов.

На следующий день я получил наконец первое самостоятельное задание: проложить полевой кабель между штабом 3-го армейского корпуса в Шато-Сален и выдвинувшимся вперед штабом 3-й армии в Дьёз. Карту местности мне не дали, капитан Дрекслер разрешил мне посмотреть его карту. Взвод понес первые потери, и я остался самым молодым среди двадцати бойцов, в основном резервистов. Деревни опустели, «лотарингские леса» были труднопроходимы из-за подлеска. Здесь шли бои накануне. Первые убитые, которых я увидел, молодые немцы и французы, лежали повсюду между деревьями и на дороге. Жуткий вид! На всем пути до Дьёза в 15 км нам не встретился ни один человек. Подвешивание кабеля на деревьях и столбах, что нами было отработано в Мюнхене, вечером 21 августа было закончено. Связь между корпусом и армией была в полном порядке. Я передал командование лейтенанту Ленеру из моего батальона, который был командиром моторизованного взвода связи в армейском телеграфном подразделении. На следующее утро я увидел нашего главнокомандующего генерал-полковника кронпринца Рупрехта Баварского на утренней прогулке верхом. Я представился штаб-офицеру телеграфных частей майору Шелленбергеру, который в мирное время был командиром 2-го Баварского телеграфного батальона.

25 августа меня с моим полувзводом вызвали в Шато-Сален и командировали затем в Аракур. На лысых высотах вблизи немецко-французской границы мы встретили машины с солдатами, которые обратились к нам с настоятельным требованием повернуть назад: «Французы идут!» Этот мой первый переход границы так и остался в моих воспоминаниях связанным с чувством смутной паники, которой никак нельзя было поддаваться. В Аракуре, первой деревне с той стороны границы, необходимо было занять небольшой коммутационный пункт, обозначаемый, как и все подобные пункты, бело-красным флагом (F-Flagge). Он находился между корпусом и дивизиями 3-го корпуса. Коммутатор стоял в гостиной на первом этаже небольшого замка, и тут же находилась операционная основного перевязочного пункта. Замковый парк был полон носилок с больными солдатами, наряду с ранеными и убитыми. Инспектор госпиталя в черных перчатках руководил в суматохе погребением умерших на краю парка. Расположенная рядом деревня напоминала лагерь Валленштейна²: монах-капуцин проповедовал на рыночной площади немногим слушателям. Рядом стреляла по противнику батарея 130-мм орудий (необычного китайского калибра). Слушатели из-за орудий наблюдали за полетом выстреливаемых снарядов. Повсюду стояли передки орудий и снабженные тросами машины. Все оживились, увидев аэроплан, и начали стрелять по нему из винтовок и револьверов, не подумав о том, вражеский он или наш.

У телефонного батальона совсем не было полевой кухни. Бойцы разбросанных на обширной территории взводов были вынуждены выпрашивать довольствие у полевых кухонь пехоты. Если таковых поблизости не было, солдатам приходилось ловить кур, забивать свинью или теленка.

Теперь мы прокладывали полевые кабели от штабов дивизий до штабов бригад. Я, сидя в седле, с чувством гордости доложил кавалькаде командиров 10-й Баварской пехотной бригады о готовности линии связи с 5-й Баварской пехотной дивизией.

Генерал изрыгнул ругательство, и весь штаб вместе с ним исчез в облаке пыли. Вероятно, ему самому было недостаточно ясно известно о расположении его полков, чтобы он мог проинформировать об этом офицеров штаба дивизии, так что сообщение о наличии телеграф-

---

² Валленштейн, Вальдштейн Альбрехт Евсевий (1583 – 1634) – главнокомандующий войсками Священной Римской империи в Тридцатилетней войне 1618 – 1648 гг. По происхождению чешский дворянин. Зверски подавлял Чешское восстание 1618 – 1620 гг. Содержал наемную армию в основном за счет беспощадных реквизиций у мирного населения, которое в результате сокращалось в несколько раз. Убит группой офицеров.

ной связи было весьма нехорошо. Мне удалось повторно найти штаб бригады только к вечеру в каком-то сарае, и теперь мое донесение не вызвало негативной реакции.

Под Нанси нас остановила крепостная артиллерия. Все атаки были отбиты с большими для нас потерями. Под вечер 7 сентября 14-й Баварский пехотный полк из Нюрнберга предпринял штурм деревни Ремервиль. Под разрывами шрапнели и французских осколочных снарядов продвигались за пехотой храбрый командир 9-й Баварской пехотной бригады генерал-майор Егер со своим небольшим штабом, а мы тянули провода к 5-й Баварской пехотной дивизии. Покинутая жителями деревня горела. Расположенная недалеко французская артиллерия обстреливала наших линейных монтеров на линии, которая шла по просматриваемой местности. Телефонную линию связи от пехотных полков к бригаде прокладывали группы бойцов пехоты. Богатый урожай фруктов в садах, бегавшая повсюду птица, ягнята и свиньи служили удовольствием для штаба бригады и двух моих отделений. В огромном винном подвале, который горел с одного угла, хранились сотни бутылок вина. По приказу генерала Егера я раздал значительное их количество пехотинцам. Наша артиллерия с закрытых позиций продолжала обстрел, перенося огонь дальше в тыл противника. Командиры с наблюдательных вышек-лестниц, расположенных у подножия холма, могли видеть, куда ложатся снаряды, и корректировали огонь. У них еще не было телеграфной связи с наблюдателями на передовой. Пехота залегла под сильным артиллерийским огнем французов на краю деревни. Помочь ей должен был взвод 10-го Баварского полка полевой артиллерии, который галопом выкатился на открытую огневую позицию. Очень скоро он был уничтожен артогнем.

Пришел приказ – выйти из боя и отойти. Мы свернули провод. Один километр кабеля был потерян. Было нелегко управиться с беспокойными необученными лошадьми и сохранить порядок под разрывами шрапнели.

Несколько дней отдыха в Меце дали возможность помыться и отоспаться. Мы не снимали своих мундиров все прошедшие недели. Выкладка фенриха состояла из тех скудных запасов, что были в его переметных сумках. Капитан Дрекслер заново сформировал наши взводы, группы и индивидуальные телеграфные точки с двумя-тремя бойцами, в составе которых мы воевали на протяжении последних недель, поставив новые задачи. Томимые жаждой солдаты, которые неделями пили одну только воду, обнаружили баварское пиво в гарнизоне 3-го Баварского полка.

Затем началось второе наступление 3-го Баварского корпуса. Путь пролегал по полям сражений войны 1870 – 1871 гг., отмеченных памятными знаками, после 44 лет мирного времени к полям новых битв. Передовые части наносили удар в направлении Вёвра и Кот-Лорен у Мааса, чтобы прорвать передовой рубеж обороны между небольшими городами Эпиналь и Туль. Лишь короткое время 5-й взвод находился при штабе корпуса и штабе телеграфного подразделения, где лейтенант Килиани заводил граммофон, ставил пластинку и слушал рождавшие тоску по дому «Спи, мой маленький принц, засыпай» и другие сентиментальные произведения.

Затем 5-й взвод вновь вошел в состав 5-й дивизии и ее бригад. Едва только наша колонна останавливалась на привал в какой-нибудь деревне, французская артиллерия наносила по ней на удивление точный удар. Подозревали, что в погребах тайно работал телефон или кто-то подавал условные знаки с помощью часов на башне. Мне – начальство считало меня в этом экспертом – было поручено выявить причину этих таинственных явлений. В результате расследования были обнаружены лишь тщательно спрятанные запасы вина, а вовсе не какая-то секретная техника. Башенные часы, бывшие без ухода, остановились. Объяснение всему этому было простым. Мы находились в укрепрайоне, где французы знали каждое удобное место для наблюдения и для огневой точки и каждую дистанцию.

В то время как 6-я Баварская дивизия атаковала Сен-Мийель и Фор-Кан-де-Ромен, 5-я Баварская дивизия на левом фланге продвигалась вперед по равнине Вёвр в обход заросших

лесом высот Кот-Лорен. Серьезных боестолкновений не было, и я, стоя у полевого телефонного аппарата, поддерживал связь с корпусом. Рядом находились командир дивизии генерал-лейтенант фон Шох и начальник штаба. Я наблюдал на расстоянии нескольких километров за атакой немецкой пехоты, французами и за огнем нашей артиллерии, управляемой командиром бригады. Бои шли за Монсек и Апремон. И здесь наступление развертывалось через густые леса, когда пришло сообщение об удачном форсировании Мааса 6-й Баварской дивизией и захвате Сен-Мийеля и Фор-Кан-де-Ромена.

Я был еще фенрихом, когда за мои действия на телефонной точке в Буксиере я получил Железный крест 2-й степени. Развернув голубую оберточную бумагу и достав крест, я продел его в петлицу мундира. Как обычно, я действовал самостоятельно, имея в подчинении всего несколько человек. В конце сентября 1914 г. капитан Дрекслер сообщил мне также по телефону о присвоении мне звания лейтенанта. Мой друг, командир 4-го взвода лейтенант Пальм, старший инженер на предприятии фирмы «Хартман и Браун» во Франкфурте-на-Майне, который был в два раза объемнее меня, одолжил мне по дружбе свой второй мундир, в котором я, имея не совсем представительный вид, предстал перед командиром дивизии.

Попытка частей 5-го корпуса расширить прорыв в оборонительной линии фронтов на участке Верден – Туль не удалась, они не смогли взять форт Тройон. Нам также не удалось овладеть фортом Лиувилль к югу от Фор-Кан-де-Ромен. Для огневой подготовки к нам в Буксерюль прибыли два орудия – австрийские 305-мм гаубицы производства заводов «Шкода», которые тянули мощные тягачи «Даймлер-Бенц». Так как они стреляли как наши 210-мм мортиры на гусеничном ходу, их можно было быстрее перевести в боевое положение, чем тяжелые немецкие орудия, для которых была необходима платформа. Наш 3-й взвод лейтенанта Биркхофера проложил линию связи к передовому наблюдательному посту австрийцев.

Когда передвижения наших войск приостановились, линии связи 4-го и 5-го взводов были проведены через штаб 9-й и 10-й Баварских пехотных бригад, в пехотные и артиллерийские полки. В сравнении с прошедшим этапом маневренной войны стала больше использоваться телефонная связь. Все поняли, что с ее помощью можно быстрее передавать приказы и сообщения.

В течение последних недель желтые сливы составляли основную часть нашего питания, а теперь созрели виноградные кисти на склонах холмов Лотарингии. Прохладными осенними утрами виноград был холодный и сладкий. Последствия были – при нехватке отхожих мест – весьма печальными. Для излечения дизентерии требовались несколько недель до полного восстановления работоспособности.

В октябре 1914 г. капитан Дрекслер взял меня на фронт дежурным по станции в штаб корпуса в Сен-Бенуа. Он хотел меня «немного воспитать» (во Второй мировой войне мою должность называли «начальник службы эксплуатации отделения связи»).

Командующий корпусом генерал кавалерии барон фон Гебзаттель квартировал при штабе, имел адъютантов и двух шоферов кайзеровского автомобильного корпуса. Эскадрон 2-го Баварского полка легкой кавалерии занимал пост у ворот замка. Подразделение связи располагалось на коммутационном пункте корпуса. Две линии связи были проложены к армейской группировке Штранца и на Мец, последнюю подключили к почтовой связи. Три линии связи шли вперед к трем дивизиям – 5-й, 6-й и Баварской резервной дивизии, находившейся между двумя первыми. Были подключены расположенные вблизи летная эскадрилья, командир обоза и колонны для подвоза боеприпасов. Абонентской связью пользовались начальник штаба, начальники оперативного управления и материально-технической части, а также разведки штаба. Адъютанты, врачи и другой штабной персонал не имели удобной связи. Они должны были звонить с коммутационного пункта как обычные пользователи. Остальными средствами связи – прежде всего радиостанцией – корпус не располагал. Пожелания или приказы штаба корпуса, касавшиеся телефонной связи, обработчик информации передавал коман-

диру соединения, части, подразделения. Когда было много работы, мы, два офицера штаба, Килиани и я, сменяли друг друга. Мы обслуживали, когда это было необходимо, сам коммутатор, старались установить нормальную связь и затем проверяли ее, при плохой связи посылали сообщения повторно. Это было почти нереально – суметь проложить протяженный провод в полевых условиях, принимавший голосовые сообщения далее 50 км. Однажды нас посетил директор этапного телеграфного управления почтовый советник доктор Люшен; его работники из государственного почтового управления протянули линию от немецкой границы до Сен-Бенуа, соединив ее с государственной почтовой сетью. Он продолжил нашу линию на важнейшем направлении до Сен-Мийеля. Качество связи улучшилось в несколько раз. Лейтенант Ауэ из армейского телеграфного подразделения следил из Сен-Мийеля за техническим обслуживанием линии связи. Мы сами не собирались использовать голый провод, найденный на французском посту, для наших целей. Отсутствовало должное понимание и образование. В условиях роста телеграфных соединений и подключений к ним больше не хватало мощности коммутаторов и телефонов. Мы захватили на посту новые аппараты, основанные на системе центральной батареи (ZB-apparate) вместо прежней системы местных батарей (ZB-apparate), и коммутаторы разных размеров. Во всех штабах тяжелым полевым аппаратам предпочли легкие телефоны с поста.

Дружественное отношение ко мне в штабе корпуса проявилось в выплате отложенного для меня лейтенантского содержания и денег на обмундирование. Начальник финансовой части достал из обитого железом ящика сумму в тысячу марок звонкой золотой монетой. Я сразу же отослал их полевой почтой родителям, которые вложили их в военный займ.

Небольшой штаб телеграфного подразделения вел свое обособленное существование в одном из крыльев замка. Капитан Дрекслер поддерживал с нами, молодыми подчиненными, дружеские отношения. Оба врача вместе с ним проявляли особенную заботу о нашем здоровье. Для физической разминки каждое утро мы совершали прогулку верхом. Мне часто выпадала честь совершать поездку с его королевским высочеством принцем Баварским Альфонсом. С 1905 г. он был генералом кавалерии и командующим 7-м Баварским полком легкой кавалерии, который входил в корпус. Сейчас он был гостем командующего. Оба его белых коня в целях маскировки были покрашены в защитный серый цвет. Поскольку краска была ядовита, наиболее чувствительные места на коже, например вокруг глаз, красить не стали, и они остались белыми. Кони поэтому были похожи на клоунов. На Рождество наше милое телефонное, можно сказать заочное, общение с работницами почты в Меце принесло свои плоды. Телефонистки соединили Килиани и меня с нашими родителями. 1 января 1915 г. мы задумались над тем, что бы такое особенное сделать, чтобы показать тесную связь между фронтом и штабом и нашу любовь к родине. В 12 часов дня все солдаты в дальних окопах должны были прокричать «Ура!», и тогда командовавший нами генерал, который к нам так и не приехал, услышал бы по телефонной связи это приветствие. Мне выпала честь подать генералу телефонную трубку. По причине каких-то неполадок на линии он не услышал ничего. Возможно, это был единственный раз, когда столь важная персона соприкоснулась с техникой, о которой генералы того времени были невысокого мнения. Большим разочарованием было для нас, телеграфистов, когда для встречи приехавшего в штаб корпуса короля Людвига III были выстроены только дежурные кавалеристы. Мы же могли и не появляться.

Для меня, 20-летнего лейтенанта, предстояли четыре месяца службы при штабе. Капитан Дрекслер проявил понимание и назначил меня командиром моего бывшего 5-го взвода 9-й Баварской пехотной бригады в Вуэнвиле. В небольшом штабе меня ожидал сердечный прием. Здесь была совсем другая обстановка. Генерал-майор Егер, неутомимый солдат, каждый день проводил в окопах своих батальонов 14-го и 21-го Баварского пехотного полка и 20-го резервного батальона егерей, которые вели ожесточенные бои в Буа-Брюле. В мирное время Егер был командиром 11-го Баварского пехотного полка в Регенсбурге, где прошла моя юность. Его сын,

подобно мне, принимал участие в юношеском туристическом движении Германии в предвоенные годы. Душой штаба бригады был адъютант в чине капитана барон фон Берхем.

В одном и том же доме находились и штаб бригады, и штаб 6-го Баварского полка полевой артиллерии, размещенный в Фюрте. Когда меня вызывали по телефону, будь то во время трапезы или после общения с коллегами, я действовал в качестве «начальника связи», соблюдая все пунктуально до мелочей. Я уяснял для себя сложившуюся обстановку и поддерживал необходимую связь до тех пор, пока не стихал сильный огонь на передовой, которая отстояла теперь на расстоянии 5 км, вместо прежних двадцати. Вполне могла возникнуть необходимость поднять по тревоге резервные части. Тогда в каждом подразделении треть боевого состава находилась в окопах, треть – в состоянии боевой готовности и еще треть отдыхала. В течение дня на фронте телеграфную связь – других средств связи еще не существовало – постоянно приходилось чинить. Количество проводов за время моего краткого отсутствия неизмеримо выросло. Каждая рота и батарея, каждый командир взвода были подключены к телеграфной сети. Все наблюдатели, корректировавшие огонь тяжелых орудий, имели связь со своими огневыми позициями. По окопам змеились дюжины проводов пехоты и артиллерии. При попадании снаряда сразу же возникала неразбериха в управлении войсками. Поэтому опробовали новые системы и обсудили их с офицерами связи. Провода стали укладывать на деревянные рейки и помечать жестяной биркой. Уже к батальону сходилось столько проводов, что требовался коммутатор. До войны это не было предусмотрено. Зуммер был только у армейских телефонов, для работы с ними были нужны наушники; для связи с вызываемой станцией были необходимы пароли. Командиру 1-го батальона 14-го Баварского пехотного полка в Апремоне пришлось в голову соединить все посты в окопах и резервные части в блиндажах электрическим звонком, доставку которого он организовал из Нюрнберга. Мои подчиненные смонтировали такие и подобные им установки.

Для защиты от осколков снарядов, камней и ударной волны был создан «бронированный кабель», который мы также проложили в окопах. Он был надежнее, чем полевой кабель, но чинить его при попадании было труднее. При постоянном тревожащем огне, под которым находился штаб бригады, часто происходили порывы кабеля; и потому возросла роль тех бойцов, которые занимались поиском места разрыва телеграфной линии. Днем и ночью они выполняли свой тяжелый долг, обеспечивая надежную связь для командования и своих товарищей. Телефонная связь между полевой и тяжелой артиллерией влияла на концентрацию огня. В мирное время об этом не позаботились. В частях тяжелой артиллерии еще с тех пор, когда она располагалась в казематах, использовались только громкоговорители. «Тяжелую артиллерию действующей армии» сделали маневренной, но не придали никакой телефонной связи, с помощью которой она могла связаться с другими родами войск, особенно легкой артиллерией. Теперь на фронте нам приходилось импровизировать. Это были небольшие самостоятельно решаемые технические задачи, благодаря которым я познакомился с каждым командиром, каждым капитаном роты или батареи. Они могли во многом помочь, что-то улучшить, встречали всегда заинтересованно. К тому же я изучил тактику пехоты и артиллерии на практических примерах. Особенно близко я сошелся с капитаном нашей саперной роты Реттером, два лейтенанта в которой, Бухман и Райнер, были моими школьными товарищами. Они показали свое новое оружие – самостоятельно изготовленные ручные гранаты и минометы, искусственные препятствия и штольни.

На пропитанной кровью лесной позиции в Буа-Брюле часто мы лежали лицом вниз на виду у врага, вдыхая ужасный трупный запах и пальцами осязая куски разлагающейся плоти. Легче было привыкнуть к свисту пуль и пулеметным очередям, к артиллерийскому обстрелу, определяя после очередного выстрела, куда попадет снаряд.

Большая часть Вуэнвиля выгорела, сохранившаяся часть деревни находилась под ежедневным обстрелом французов. Огневые налеты были опасны, так как противник стрелял

новыми бризантными снарядами, осколочное действие которых было более тяжелым, чем при огне скорострельных гаубиц. Один такой осколок задел мне руку, когда я поторопился, когда стихла стрельба, починить перебитый дивизионный провод. Противостолбнячный укол был более неприятен, чем само легкое ранение.

Я был самым молодым во взводе. Половина солдат была резервистами, часть из них были толковыми ремесленниками. Они образцово устанавливали связь и обеспечивали прокладку кабеля и без лишних слов выполняли свою работу. То, что во время наших ежедневных обходов окопов из разговоров я понял, как много значат для моих спутников воспоминания о семье, деле, доме и хозяйстве, было вполне понятным. Никогда не забуду, как я, молодой лейтенант, на кладбище в Сен-Мийеле над могилой первого убитого из моего взвода осколком осколочного снаряда ездового Ранфта, отца семейства, смог выдавить из себя лишь несколько незначительных слов.

Капитан Дрекслер находился в тылу за 20 км. С врачом и ветеринаром он посещал нас на протяжении двух недель для осмотра людей и лошадей и выслушивал наши немногочисленные просьбы. Я ощущал вместе с моими храбрыми солдатами заботу о нас штаба. Здесь на передовой не было никаких газет. Полевая почта приносила газеты десятидневной давности. Единственным источником свежих новостей были радиопередачи с Эйфелевой башни, откуда ежедневно передавали военные сводки по аппарату Морзе. Вахмистр моего взвода соорудил из опасной бритвы, карандаша и наушников детекторный приемник и отправлял принятый французский текст капитану фон Берхему, который сообщал нам на основании его последние новости. Соответствующих немецких новостей мы принять не могли. Да и книги были редки. Они означали для и так небольшой посылки, даже офицерской, лишней вес. Оставалось только собраться вечером на тарок (карточная игра), гостями нашими были или принц Альфонс, или командующий 6-го Баварского полка полевой артиллерии принц Фердинанд фон Бурбон, герцог Калабрийский, тесть нашего короля.

Усиливающийся артобстрел со стороны Вуэнвиля вынудил перенести бригадный коммутатор в подвал, который мы делили вместе с беспокойными крысами.

Однажды в мае 1915 г. из Берлина приехал почтовый советник Арендт с двумя жестяными ящиками. В них были катодные трубки размером с кулак, при помощи которых можно было значительно улучшить связь. Вместе со своими саперами я проложил под землей на следующую ночь как можно ближе к французским окопам десять кабелей. В Буа-Брюле они находились на расстоянии 10 – 15 м от немецких окопов, некоторые подкопы прошли по нейтральной полосе на 5 м в направлении врага. Здесь под землей мы заложили электрические штепсельные вилки с заземляющим контактом, некоторые из них заземлили, подсоединив к проволочному заграждению. Десять подводов заканчивались в одном «держателе». Когда Арендт на следующее утро в землянке командира взвода включил свой опытный аппарат, мы через наши подземные кабели услышали, словно это происходило в соседней комнате, как французский капитан разговаривал с подчиненным лейтенантом и сообщал ему о полученном разрешении провести отпуск в Париже. Целый день мы прослушивали разговоры об увольнении, оборудовании позиции, наблюдениях за противником. Это был потрясающий технический успех, которого ждало тактическое использование. Арендта попросили оставить здесь свой аппарат, чтобы сразу использовать его в целях разведки. Он обещал вскоре поставить точно такой же, запаковал его и отбыл. Прошло полгода, прежде чем я снова смог работать с этим изобретением. Тем временем мы сами пытались вести прослушивание без усилителя. Было довольно странно, что слежавшиеся пласты земли на плодородной суглинистой почве равнины Вёвр не давали никакого результата, в то время как сухая лесная почва в местности Кот, пронизанная многочисленными корнями, давала возможность без электрической связи и усилителя слушать вражеские разговоры.

Летом 1915 г. 9-я Баварская пехотная бригада заняла позиции западнее в Буа-д'Айи. Лес был полностью посечен снарядами, велась минная война. По обеим сторонам фронта копали штольни под вражеские позиции, куда закладывали мины и взрывали. Образовавшуюся воронку тут же занимали. Постоянно прислушиваться к стуку со стороны противника и по возможности предупредить его действия – на это требовались большие нервы. Штаб бригады переехал в дом, занимаемый командиром конных егерей в Сен-Мийеле, их казармы располагались на краю местечка на переднем крае. Мой небольшой коммутатор находился в доме привратника, который делил его с какой-то престарелой дамой и ее внучкой, отдохавшими здесь летом на даче и застигнутыми войной. В западной части городка жили оставшиеся три тысячи жителей, а рядом с ними квартировали части 6-го и 11-го Баварских пехотных полков и артиллеристы, которые заняли город и форт. В 11-м полку я встретил моих школьных друзей Лоренца, Франка и Баумана. Они повезли меня в Кан-де-Ромен, где Франк и его подразделение пулеметчиков отбили атаку на свои позиции. В кинотеатре Сен-Мийеля показывали старые фильмы с участием Чарли Чаплина. Мы часто засиживались в кафе «Лотарингский двор» или в нашем расположении во время затишья между боями. Телефонное подразделение 12-й Баварской бригады пехоты, которая располагалась по обоим берегам Мааса, обслуживало наш 3-й взвод под командованием лейтенанта Биркхофера. Приходил также лейтенант Ауэ, отвечавший за прокладку голого провода. Мы были довольны, как работает связь нашего штаба, поддерживаются в должном состоянии провода и улучшается связь на переднем крае обороны. Наша скромная техника еще не получила распространения. Миновал год спокойной позиционной войны в сотрудничестве с добрыми друзьями.

Перемены случились зимой 1915/16 г. – была образована группа Арендта, подчиненная лично мне. Она была великолепно оснащена. Кроме известного аппарата и усилителей, мы получили переводчика с французского языка, небольшой трехместный автомобиль «Опель-Малютка» на четырех колесах и шофера. С его помощью мы должны были как можно быстрее передавать последние разведанные в штаб, расположенный в Сен-Бенуа. К сожалению, их было не так много. Французы тем временем осознали как полезность для противника, так и опасность для них подобной «прослушки» и ввели строгие правила для телефонных переговоров. Наши попытки получить какой-нибудь результат в подкопах на глубине 20 м под французскими позициями в Буа-д'Айи или на берегу Мааса не привели к успеху. К скромному результату привела попытка на плацдарме у Шовонкура на другом берегу Мааса. Здесь окопы пролегли на расстоянии 300 м друг от друга. Ночные патрули смогли переместить телефонные кабели ближе к французским окопам. При этом мы обнаружили схожие с нашими проводами кабели противника и размотали их. Зимой 1914/15 г. французы предприняли здесь безуспешную атаку против 6-го Баварского пехотного полка. Трупы перед позициями посыпали известью. Меня охватило странное чувство, когда я, вжимаясь в землю под ослепительными сигнальными ракетами французов, лежал среди побелевших костей павших бойцов, которые всего лишь год назад были плотью и кровью и надеялись так же, как и мы. Наша самая лучшая телефонная линия пролегла вблизи наблюдательного поста на позиции тяжелых орудий французской батареи. У него было задание давать сигнал обстреливать в разное время дня мост через Маас. Мы слышали, как французский артиллерист докладывал о готовности открыть огонь по мосту, и мы могли теперь вовремя предупредить караул на мосту и перекрыть по нему движение. Мы услышали пристрелку батареи, и нам было уже известно, сколько экономно используемых снарядов будет выпущено по мосту. Потом обстрел закончился, и пришло телефонное подтверждение от противника. Движение могло быть восстановлено. Французы, подобно нам, ввели «опасную зону», которая протягивалась на расстояние до 3 км в тыл от переднего края. В ее пределах только в исключительных обстоятельствах можно было пользоваться телефоном. Иногда капитан Дрекслер, который теперь был еще дальше от нас, разрешал мне с моими товарищами съездить на «малютке» в Мец, отдохнуть и развлечься. Шофер понимал, что в

свободные часы он должен научить меня водить. Поскольку у меня не было прав, я мог учиться искусству вождения только в отсутствие начальства.

Нас потрясла смерть отечески относившегося к нам полковника Драусника, командира 19-го Баварского пехотного полка, который за день до своей смерти 28 февраля 1916 г. командовал бригадой вместо раненого генерал-майора Егера. Словно предчувствуя свою гибель, он решил сфотографироваться на общем снимке.

Верден – Аргон – Сомма-Ла-Басе, 1916 г.

Мирная жизнь в Сен-Мийеле закончилась в конце февраля 1916 г., когда до нашего слуха донеслись глухие раскаты артиллерийской подготовки, предварявшей наступление на Верден. Две напуганные женщины обратились ко мне с вопросом: «Месье Альберт, что там происходит?» – «Мы наступаем на Верден!» – «Вы никогда его не получите, *мы* выиграем войну!» Потом они громко молились всю ночь за победу Франции. Вера двух истощенных от голода женщин, которые вот уже два года не имели никаких вестей от своих родных, заставляла задуматься и давала повод для сравнения. Была ли у наших соотечественников, которые почти не обращали внимания на войну, подобная вера в нашу победу?

В начале июля 1916 г. мне, в составе передовой команды телефонного батальона 3-го Баварского корпуса, было приказано обеспечить функционирование телефонной связи в 1-м Баварском корпусе под Верденом. Я доложил о себе командиру капитану Берлингу, главному почтовому советнику.

Он сообщил о тяжелых боях за форт Дуомон, где не было никакой возможности поддерживать нормальную телефонную связь под жестоким артиллерийским огнем. Работа связистов в отсутствие технических средств была связана с большими потерями, и полученные сведения были неточными.

Капитан Берлинг вспомнил о гелиографических и ацетилено-кислородных сигнальных приборах, с помощью которых в 1914 г. баварская кавалерийская дивизия была выведена на полевые позиции, и выписал их из Мюнхена. Он выслал вперед два отряда, чтобы они установили сигнальную связь из Дуомона с батальоном. Солдаты, тащившие тяжелый штатив и лампу 25 см в диаметре, были уничтожены огнем противника на передней линии, не успев передать по азбуке Морзе свое первое сообщение. От повторной бесполезной попытки отказались. Берлинг объехал со мной коммутационные пункты в корпусе, дивизии и артиллерийских частях. Везде висели мотки полевого кабеля, который подсоединялся к новым полевым коммутаторам с клапанами. Их называли «шкафы Аммона» по фамилии полковника Аммона. Они имели множество кнопок и различных приспособлений, дававших возможность для перехвата переговоров и параллельного подключения. Старое выражение «На войне много значит даже простой успех» при таких технических средствах было забыто. Насыщенность средствами связи, с одной стороны, и недочеты – с другой, выявили такое же парадоксальное взаимоотношение, как между кишевшими людьми бесчисленными штабами и зияющей пустотой на полях битв.

Мы подошли ко второму или, возможно, уже третьему акту одного из самых кровавых сражений этой войны. Генерал фон Фалькенхайн взял быка за рога – решил атаковать французов на самой неприступной позиции. Решающего успеха собирались добиться, «выкачав кровь» из противника. После четырех месяцев непрерывных атак были взяты укрепленные позиции и форты, однако до основной твердыни – Вердена было еще очень далеко. Первое, что видели прибывавшие солдаты, – это тысячи белых крестов на кладбищах в городках Романь и Азан. Мимо них в сторону фронта в батальонных колоннах маршировали или передвигались на грузовых автомобилях в новых мундирах солдаты, впервые надевшие металлические шлемы и противогазы. Навстречу им возвращались с позиций грязные, предельно уставшие бойцы. Отважный немецкий солдат послушно бросался в атаку против таких же храбрых французских солдат, которые решали здесь судьбу войны.

3-й Баварский корпус не принимал участия в Верденском сражении. Здесь была задействована только 6-я Баварская пехотная дивизия. В ее состав входили два взвода телеграфного батальона – мой 5-й и 3-й под командованием старшего лейтенанта Миттельбергера. Он оставался со своим взводом при штабе дивизии. Мой взвод подчинялся 12-й Баварской пехотной бригаде, имевшей один коммутационный пункт и связанной телеграфной линией с фронтом

Дуомон. 50 человек моего взвода и 50 солдат пехоты, выполнявшие обязанности линейных электромонтеров, обслуживали два коммутационных пункта и однопроводную линию связи длиной около 5 км, связывавшую нас через Брюль и Асуль с фортом. Провод чинили сотни раз, и каждый день приходилось все делать заново. Связь была хуже некуда. Линейные электромонтеры, расположенные через каждые 200 м, лежали в воронках, грязные и небритые, на голой земле. Они разогревали мясные консервы на открытом огне, разожженном с помощью пороха, добытого из разбросанных кругом французских картузных зарядов. Во взводе было 14 вьючных животных – лошаков и пони. Ни одно транспортное средство не могло преодолеть зону обстрела перед фортом. В ранние утренние часы постоянный артиллерийский огонь ненадолго стихал. Я проходил мимо и видел следы ночного жертвоприношения – свежие могилы, взорвавшиеся и сгоревшие зарядные ящики, искалеченные мертвые кони; санитары выносили раненых. Голая вершина форта напоминала лунный пейзаж. Узкая тропа вела вдоль краев огромной воронки-кратера, образовавшейся от взрыва снаряда самого большого 420-мм калибра того времени. Единственный используемый вход во внутренние, связанные разветвленными коридорами помещения был обращен в сторону противника. Последний с оборудованной в поле огневой позиции каждую минуту делал один выстрел. Необходимо было дожидаться в укрытии следующего выстрела, а затем буквально одним прыжком преодолеть расстояние до входа. Внизу из-за плохого освещения царил полумрак, километровые коридоры пролегли между бетонированными помещениями, которые не мог пробить ни один тяжелый снаряд. Тяжелые орудия легко разбивали в мелкое крошево кирпичную кладку в Кан-де-Ромен. В Дуомоне находился в резерве целый пехотный полк. Во всех подразделениях царил напряженная суэта. Жуткое впечатление оставляли помещения, выложенные кирпичом, в которых лежали трупы погибших от огнеметов солдат с почерневшими лицами. В течение нескольких дней в форте не было ни одного бойца, а французы так и не заметили этого.

При помощи нашего коммутатора были подключены все абоненты форта, была установлена связь с постами наблюдения, штабами, перевязочными пунктами, комендантами. В тыл был проложен только тонкий провод, полевой телефонной связи с воевавшими впереди форта батальонами Альпийского корпуса, 6-го и 11-го Баварских пехотных полков больше не было. Предполье беспрерывно перепахивала французская артиллерия. Вестовой, как и во времена отсутствия любой технической связи, оставался единственным связующим звеном с батальоном и ротой. Наша связь с бригадой и дивизией постоянно обрывалась. Нам приходилось вызывать бригаду и дивизию по телефону из штольни «Орфей», когда зачастую можно было говорить с фортом всего в течение нескольких минут. Мы попытались впервые установить здесь на важнейшем участке у Дуомона беспроволочную связь с тылом. В блиндаже заработала переносная радиостанция, антенна которой была выведена в смотровую щель. В дивизию передавали сообщения по аппарату Морзе. Сигнальная группа располагалась в бронированной орудийной башне. Ствол орудия был направлен на лежавший в тылу, на расстоянии 3 км, Шапитре-Вальд. Замок орудия был вынут, луч света проходил через его ствол. Командир крепости должен был выбрать один из трех способов для связи с тылом. Бригада и дивизия должны были решить тот же самый вопрос, только для передачи приказов в направлении переднего края. Отсутствовало обобщающее заключение по этим «средствам связи», несмотря на то что сами телеграфные подразделения ими пользовались.

С наблюдательного пункта свободно просматривались тылы Фруад-Тер, где сражались 11-я Баварская пехотная бригада – 10-й и 13-й Баварские пехотные полки. Можно было видеть в зоне обстрела в направлении на Верден, который мы так и не смогли взять, развалины Флёри, далее возвышавшийся слева форт Во, за который велись ожесточенные бои. Мне показали ниже по местности склады боеприпасов форта, которые французы захватили в контратаке предыдущей ночью. Вероятно, при этом попала в плен рота 11-го Баварского пехотного полка с капитаном Ринкером, братом моего друга, вместе с саперным взводом нашего друга Франка.

Потеря товарища из нашего круга ощущалась болезненно. Лоренц и Бауман, после того, как они приняли участие в деле на передовой, теперь находились в резерве поблизости от штольни «Орфей». Они рассказали об ожесточенном бое, о своей атаке, которую не смогла поддержать артиллерия, потому что у наблюдателей на передовой не было связи с огневыми позициями.

Я должен был думать о том, как обеспечить связь в тылу; при этом возникало невообразимое количество проблем. Как установить связь между главным штабом и артиллерийскими частями, которые вели огонь из тысячи орудий, расходуя при этом множество боеприпасов, и в то же время не могли реально помочь пехоте; несмотря на все свои героические усилия, она не могла добиться решающего успеха. Было много организаторской деятельности, но за этим было мало дела. Разногласия стоили крови лучших людей, все еще боеспособных дивизий и полков. Необходимость заменить новым полевым кабелем 5 км сотни раз перебитой линии связи, этой дающей жизнь нашим частям пуповины, встречало со стороны снабженцев упорное нежелание отказаться от экономии: «Если мы так будем транжирить ресурсы, мы проиграем войну».

Для меня было полной неожиданностью, когда на целую неделю я был командирован из-под Вердена в Берлин на «курсы Арендта». На берлинцев война, как казалось, никак не повлияла. Жили и любили, как и в мирное время. Когда мы вместе с двумя товарищами по корпусу явились в комендатуру на Унтер-ден-Линден, нам вручили список «запрещенных для посещения заведений». Он был нам проводником в первый вечер, когда мы начали наше пребывание здесь с чистого листа. Выбор, предоставленный бойцам Вердена, был в одно и то же время и отталкивающим, и отрадным. Мы не углублялись особо в список.

Теорию прослушивания, которая теперь вошла в практику, до Вердена не применяли. Почтовый советник Арендт обещал, что предоставит мне два конечных усилителя для обеспечения связи в Дуомоне, как только продвинется по службе и ему удастся преодолеть бюрократизм. Понятно, что последнее было невыполнимо.

Между тем наша измотанная в боях и понесшая большие потери дивизия была отведена на отдых. Артиллерия и мой взвод остались на позициях. Между батареями проложили бронированный кабель. Затем последние части 3-го Баварского корпуса сменил 5-й корпус. Как-то раз я сидел вечером за стаканом рома, в котором не было недостатка, вместе с лейтенантом, замещавшим меня. Он рассказывал: «Я поляк. Мне нисколько не интересна война между немцами и французами. После войны у нас снова будет независимая Польша». Меня потрясли слова этого лейтенанта, который носил прусский мундир.

После Вердена мы разместились на позициях близ высоты Вокуа на возвышенности Аргон. Они были прекрасно оборудованы, телефонная сеть проложена продуманно. Вряд ли можно было что-то улучшить. Телефонная связь работала так же, как и повсюду. Несколько недель спустя дивизия погрузилась в железнодорожные вагоны. В эшелоне мой взвод оказался вместе с пулеметной ротой 11-го Баварского пехотного полка, и я встретил своих друзей Лоренца и Баумана. Мы надеялись после того, как отвоевали свое на Западе в позиционной войне – о которой говорили, что «на Востоке сражаются храбрые, на Западе стоят пожарные», – оказаться на новом театре военных действий. Мы подумывали о Румынии, которая отказала нам в прежней дружбе и даже объявила нам войну. Наше желание не исполнилось. Мы ехали в направлении Соммы, где англичане перешли в мощное наступление³. При высадке из вагонов я увидел своего друга Лоренца в последний раз. Получив новое назначение, он пропал без вести. Огонь войны пожрал его.

Саперов моего взвода вместе с полевым кабелем и телефонными аппаратами погрузили в товарные вагоны. Лошади и автомобили медленно двинулись следом. Мы должны были обо-

---

³ Наступление на фронте 2-й германской армии генерала фон Белова начали 6-я французская и 4-я английская армии (командующие генералы Файоль и Роулинсон; общее командование – французский генерал Фоне), в дальнейшем в бой были брошены 10-я французская армия генерала Мишле и 5-я английская армия генерала Гафа, а немцы, увеличив свои силы, разделили свою 2-ю армию на 1-ю армию фон Белова и 2-ю армию Гальвица. В последовавшей «мясорубке» на Сомме

рудовать боевую позицию для 6-й Баварской дивизии и подключить к ней все ближайшие линии связи. Когда Миттельбергер принял нашу работу, 5-й взвод отправился вслед за 12-й Баварской пехотной бригадой к деревне Барстр. Мы еще только подходили, а местные жители, погрузив свой скудный скарб на ручные тележки, быстро уходили. Нам еще не раз приходилось наблюдать эту ужасную картину на Западном и Восточном фронтах и, наконец, у себя на родине.

В нескольких километрах западнее со стороны англичан поднималась черная стена артиллерийского огня, бушевавшего и гремевшего безостановочно. Мы спустились в подвалы деревенских домов и провели там две недели, а наверху все постепенно превращалось в груды камня и щебня. Под непрекращавшимся огнем по площадям наша связь прокладывалась по местности, к которой раньше был подведен для соединения сети с тылом только голый незащищенный провод. Теперь мы были вынуждены мириться с этой почтовой техникой, которую мы прежде презирали. Чтобы поддерживать постоянную связь между дивизией и бригадой, нам приходилось влезать на телеграфные столбы, натягивать и соединять проволоку. Находиться наверху, когда вокруг вблизи гремели взрывы, было не совсем приятно. Перед нами в Ле-Транслуа находился бригадный блиндаж. Мы прибыли как раз тогда, когда генерал-майор Мель с 12-й Баварской бригадой сменил генерал-майора Егера, командира 9-й Баварской пехотной бригады. Оба были награждены баварским Военным орденом Макса Йозефа за личную доблесть. Выдвинувшись впереди бригады, мой взвод поддерживал полевые кабели между пехотной бригадой и артиллерией, которые постоянно перебивали. На местах угрожаемого прорыва английских войск происходила концентрация «ударных дивизий». Участок фронта, занимаемый дивизией, сократился до 2 км. Генерал-майор фон Мель не обращал никакого внимания на положение дел в Ле-Транслуа. Он неожиданно перенес свой штаб на 8 км по фронту вправо в Бапом. Миттельбергер рычал в телефонную трубку, что я должен побудить бригаду расположиться за их участком фронта. Это было хорошо в теории, а требовать генерал-майору у лейтенанта – это было слишком. Расторопный Хубер проложил ночью линию телефонной связи из Ле-Транслуа в Бапом, она проходила параллельно фронту, и ее особенно часто перебивали, но бригада вновь получила связь с дивизией и полками.

На Сомме мне были подчинены шесть групп сигнальщиков. Они попытались заменить поврежденные телефонные линии вспомогательными лампами, которые передавали донесения с помощью световых сигналов (по азбуке Морзе). На равнинной местности лампы разместили за стогами соломы.

Обновленная дивизия, пройдя маршем через Камбре, прибыла на позицию к северу от Ла-Басе, где не велось активных военных действий. По прошествии долгих месяцев 5-я и 6-я Баварские дивизии снова стали соседями, находясь

под командованием штаба 3-го Баварского корпуса. Однако армейский корпус больше не представлял собой единой тактической единицы, вместо него действовали несколько самостоятельных пехотных дивизий, объединявших различные виды войск. Вследствие этого нарушилось единство внутри телефонного подразделения. Хотя и не было явных перемен, мы почувствовали, что в большей степени относимся к дивизии, чем к 5-му корпусу. Мой взвод вновь стал действовать в составе 6-го и 11-го Баварских пехотных полков 12-й пехотной бригады. Наши позиции из-за высокого уровня грунтовых вод были приподняты над землей на высоком кирпичном фундаменте. Я получил приказ готовить светосигнальщиков для пехоты и артиллерии. Мне очень помог в этом деле ефрейтор, который, служа в Юго-Западной Африке, был сигнальщиком и отвечал за работу гелиографа. Он обучил командиров настолько хорошо, что к концу 1916 г. они уже могли обслуживать средние и малые светосигнальные аппараты, поставленные во взводы, роты и батальоны, на пункты наблюдения и огневые позиции. Миттельбергер уехал, и я получил под свое начало оба телефонных взвода 6-й Баварской пехотной дивизии. Штаб был настроен не столь дружелюбно, как штаб 9-й бригады. В то время как

мои подчиненные разбирались с коммутатором дивизии, я отбыл во 2-й эшелон штаба, где меня приветливо встретили как самого младшего по возрасту. В штабе были: комендант майор резерва Крисс, главный врач и одновременно дивизионный врач доктор Хауэншильд, военный судья Эммингер, который, будучи депутатом рейхстага, во время его заседаний отлучался в Берлин, и его замещал капитан резерва Гюртнер из 11-го полка, позднее ставший рейхсминистром юстиции. Это были люди с богатым жизненным опытом, имевшие, кроме службы, множество интересов, и вовсе не солдафоны. Мы были потрясены «мирной резолюцией» рейхстага и сочли ее жестом недопустимой слабости. Но мы отвергали и несправедливые требования пангерманистов, прежде всего к тем территориям, которыми мы не владели.

У меня был только один служебный автомобиль для поездок на фронт к моему взводу в Маркийе, но в первую очередь я ехал на коммутационный пункт дивизии. Нам также предстояло испытать в деле светосигнальные приборы воздушного сообщения. Их крепили на стальном шлеме так, чтобы визир располагался на уровне глаз, и затем направляли прибор на аэроплан или аэростат. Одна эскадрилья предоставила в наше распоряжение самолет. Однако угловая скорость была столь велика, что ни самолет, ни наземный пункт наблюдения невозможно было обнаружить при помощи светового сигнала. Я поднялся днем на привязном аэростате на высоту около 500 м. Перед фронтом в лучах солнца были видны тысячи танцующих огоньков. Я повторил подъем ночью. Несмотря на светомаскировку, мерцал близлежащий город Лилль и тысячи огней Армантьера. За линией фронта виднелись светящиеся точки сотен автомобилей и домов. Отдаленные огни, видимо связанные с телефонной линией, отключить было нельзя.

При обходе передовой наш дивизионный командир генерал-майор фон Киршбаум попал под вражеский обстрел. Приподнятые над землей позиции были уязвимы для огня противника. Моя сотня бойцов безукоризненно несла свою службу, как и в Сен-Мийеле, обслуживала коммутатор и исполняла обязанности линейных электромонтеров, прокладывала новые телефонные линии в окопах, работала светосигнальщиками и с аппаратами связи, хотя каждый из них после двух лет войны был сыт ею по горло.

В штабе 6-й армии, 1917 г.

На рубеже 1916 – 1917 гг. без моего участия и совершенно неожиданно в моем служебном положении произошли изменения. Капитан Дрекслер, который думал дальше, чем я, считал для меня необходимым поработать в штабе и научиться армейской деловой переписке. Оказавшись в штабе 6-й армии в Дуэ, я почувствовал себя глубоко несчастным. В штабе работали сотни офицеров. Я доложил о своем прибытии командующему в чине генерал-полковника фон Фалькенхаузену. Рядом стоял утонченный ротмистр-улан; это был барон фон Рихтгофен, боевой летчик, которого легко узнавали в полете по красному аэроплану. На Сомме он обеспечивал для нас чистое небо. У него уж точно, как и у меня, не было необходимости сидеть за письменным столом.

Обязанности штабного офицера для особых поручений, находившегося в распоряжении армейских командиров телефонных подразделений, были столь же многочисленны, сколь и скучны: личные дела унтер-офицеров и рядового состава, горы бумаг от судебных исполнителей и телефонных сообщений, которые мы должны были обработать, сидя в ледяных просторных комнатах роскошной виллы.

Надо было не только уметь читать и писать, но и понимать, что скрывалось за тем или иным словом профессионального жаргона военной администрации. Командующий армейскими телефонными подразделениями, вялый и безжизненный, и адъютант, старательный и эгоцентричный, не делали ничего, чтобы я быстрее вошел в курс дела. Они не нашли для меня простого человеческого слова и давать мне указания по работе считали излишним. Поэтому я старался без их помощи выполнять наилучшим образом свои служебные обязанности. Вышнее армейское командование с того самого времени, когда оно было сформировано баварским кронпринцем Рупрехтом, состояло в основном из баварцев. Один вечер в неделю посвящался игре в кегли, многие ровесники прекрасно сдружились друг с другом. Я опять был самым младшим по званию. Наряду с командирами армейских телефонных подразделений, которым подчинялись телефонные переговорные пункты, был представлен и командир армейских частей радиосвязи майор Прюгель. В случае если кто-нибудь из них отсутствовал, другой мог подменить его. На фронте отсутствовала радиосвязь. Ко многим проволочным линиям связи проще было подключить телефон. Армейское подразделение радистов в Рубе обслуживало радиосвязь на наших кораблях и кораблях наших союзников в Атлантике и в Средиземном море. Командование подводного флота в Брюгге имело прямую телеграфную связь. Радисты передавали в штаб перехваченные у противника сведения. Успехи подразделения Арендта оценивались до сих пор столь высоко, что их в армии называли «группы Арендта». Они подчинялись моему другу старшему лейтенанту Биркхоферу. Несмотря на то что получаемые сведения вследствие введения «опасной зоны» были фрагментарны и случайны, они с уверенностью свидетельствовали об одном: границы между британским и французским фронтом менялись, что позволяло судить о намерениях противника.

Когда в 1917 г. на фронте 6-й армии появилась португальская дивизия, подразделение Арендта определило ее местоположение сутки спустя.

Южнее всех расположенный армейский корпус, 12-й Саксонский, принял участие в «маневре Гинденбурга» вместе с дислоцированной на левом фланге 1-й армией. Армия, участвовавшая в битве на Сомме, оставила простреливаемую и сильно разрушенную местность и отошла на укрепленные бетонированные позиции, построенные гражданской строительной фирмой. Всего один раз за три месяца мне удалось уговорить командира телефонных частей армии оторваться от письменного стола и вместе со мной проинспектировать этот корпус. Его неповоротливость имела лишь одно преимущество: он не смог взобраться на верховую лошадь, и мне можно было также обойтись без полагающейся по штату лошади.

В ожидании весеннего наступления противника командование армии перенесло штаб-квартиру из Дуэ в Турне, Бельгия. Это был небольшой хорошо сохранившийся город с великолепным собором. На Пасху 1917 г. началось британское наступление у Арраса. Впервые примененные в бою танки⁴ прорвали фронт и углубились на нашу территорию. 6-я армия, командование которой задолго до этого предсказывало наступление, испытывала нехватку резервов и боеприпасов. Высшее командование отреагировало на это своеобразно. Оно сменило не командующего армией, ответственного за своих подчиненных, а начальника штаба генерал-майора фон Нагеля и начальника оперативного отдела штаба полковника фон Ксиландера. Их места заняли «важные шишки абвера» – генерал-майор фон Лоссберг и его начальник оперативного отдела полковник фон Платен. Я, дежурный офицер, должен был вручить открытую телеграмму об этом фон Ксиландеру. В тот же день после полудня оба новых командира уже были из 1-й армии.

Все изменилось. Лоссберг взял с собой с фронта на Сомме, где он успешно держал оборону, большую часть своего штаба, с которым он сработался. Множество баварцев, занимавших посты при штабе, сразу ушли. Среди них был мой командир в мирное время полковник Неес, командовавший саперными частями 6-й армии. Лоссберг сменил даже командира телефонных частей 6-й армии майора Зонтага, который лег на операцию по удалению аппендицита, в его отсутствие. Рабочий день командования армии начинался рано – в 7 часов утра. Полковник фон Платен докладывал Лоссбергу утренние донесения по корпусу, штаб-офицер авиаторов – о результатах воздушной разведки, и командир подразделений радиосвязи армии – о сводках армии противника. На основе этих донесений проверялось, верны ли были сообщения, поступавшие от наших корпусов, обо всех происшествиях – количество пленных и т. и. Дежурный офицер в соседней комнате должен был наблюдать за работой аппаратов Хьюза – вновь появившейся «телеграфии», то есть телетайпной связи с корпусами, которую обслуживали работники Тылового телеграфного управления. Беда, если какой-нибудь корпус сильно запаздывал с донесением!

Солдаты не были обучены обращаться со столь сложной техникой. Около 8 часов после «утреннего разбора» поступала телефонная сводка начальника штаба первому генерал-квартирмейстеру Верховного главнокомандования генералу Людендорфу⁵. В это время из штабов всех армий к нему в Ставку Верховного главнокомандования стекались по почтовой связи донесения. Дежурный офицер вызывал связиста, но не мог сам с помощью коммутатора прослушать сообщение. Лишь время спустя, когда техника связи была отработана, донесение приходило непосредственно возглавлявшему армейскую группировку кронпринцу Рупрехту. Дежурный офицер устанавливал для него связь с генералом фон Кулем.

В течение дня дежурный офицер был обязан сообщать отставшим солдатам о местонахождении их подразделений, сведения о которых он брал из неких тайных списков.

В какой мере злоупотребляли его доверием мошенники, говорить не приходится. Когда около 2 часов утра полковник Платен оканчивал все свои дела, он неизменно давал поручение дежурному офицеру: «Звоните каждый час на наблюдательный пункт армии и запрашивайте об обстановке! Если вас обходят и справа и слева – доложите обо всем мне!» Для того чтобы избежать лишних формальностей по службе, а возможно, также и из-за недоверия, на каждом рубеже обороны корпуса – их насчитывалось от шести до восьми – присутствовал на командном пункте полка офицер командования армии, имевший непосредственную телефонную связь со штабом армии. В его обязанности входило докладывать о перемещениях войск,

---

⁴ Танки впервые были применены в ходе сражения на Сомме 15 сентября у деревни Флёр, затем 25 и 26 сентября (у Геденкура), 13 и 14 ноября.

⁵ Генерал Э. Людендорф (1865 – 1937), будучи непосредственным помощником фельдмаршала П. Гинденбурга (который с августа 1916 г. был начальником Генерального штаба, фактически главнокомандующим), с августа 1916 г. фактически руководил действиями всех вооруженных сил Германии.

начавшемся артиллерийском обстреле или других необычных действиях. «Дежурными офицерами» были самые молодые офицеры штаба. Мне приходилось дежурить один-два раза в неделю.

27 марта 1917 г. командовавший 3-м Баварским корпусом генерал наградил меня Железным крестом 1-й степени. Капитан Дрекслер представил меня к награде за проявленное моим взводом мужество под Верденом и на Сомме. Офицер командования армии, единственный, кто поздравлял меня, вручил мне коробочку с наградой. Я гордился ей, будучи одним из немногих так высоко отмеченных офицеров штаба.

О том, что идет война, мы вспоминали только тогда, когда вражеские самолеты сбрасывали ночью бомбы на Турне, а в ответ били наши зенитки. Баварского майора на посту командира телефонных частей армии сменил майор Мюллер родом из Пруссии. В мирное время он был офицером транспортного подразделения из гарнизона Кёльна, и это был мой первый, но не последний начальник, уроженец Северной Германии. Мюллер совсем по-другому взялся за дело, нежели его предшественник. Каждый день он был на фронте, лично ознакомился со всеми рубежами обороны. Выявлял самых инициативных военнослужащих, выяснял для себя их взаимоотношения на фронте, их пожелания. За письменным столом его можно было увидеть только вечером после ужина. Из 60 – 80 донесений за моей подписью он отклонял вначале половину, потому что мой стиль или мои предложения ему не нравились. В итоге я был еще больше привязан к моему столу. Вино и симпатичные девушки не могли подавить мое стремление быть на фронте среди солдат. Я просил майора Мюллера о моем переводе в авиачасти или в пехоту, сначала в разговоре, потом подал письменный рапорт. Но заменить меня было некем.

Адъютант командира телефонных частей был привязан к своему месту так же, как и его прежний начальник. Это давало то преимущество, что он сам не ездил по требованию в Ставку Верховного главнокомандования, а посылал меня. Его величество германский кайзер находился в Бад-Кройцнахе, в его окрестностях я увидел загородный дом, в котором работали генерал-фельдмаршал фон Гинденбург и генерал Людендорф. В отеле «Кауценбург» я доложил о своем прибытии начальнику полевого телеграфа генерал-майору Гессе, который ранее был начальником Генерального штаба 9-й победоносной армии генерала Фалькенхайна⁶ в Румынии и награжден там орденом «За заслуги» («Pour le Mérite»)⁷. Меня сердечно приветствовали полковник Шелленбергер, начальник подразделения военного телеграфа, майор Тон, капитан Русвурм, старший лейтенант Бойттель. Я встретил капитана Карла Шмида из баварцев, вернувшегося с Палестинского фронта. Я просил его взять меня с собой в Турцию, но отсутствие «опыта службы в тропиках» и опасность дизентерии не позволили осуществить мое намерение.

В планы командования входило преобразование телеграфных войск в войска связи, которые назывались так с 1917 г. Эта задача основывалась на памятной записке старшего лейтенанта Талера, написанной им на основании полученного боевого опыта. Основной ее целью было передать все средства связи в подчинение командирам войск связи, вместо существовавших прежде командиров телефонных подразделений и подразделений радиосвязи. Одновременно оперативные части связи в армии были усилены, Тыловое телеграфное управление преобразовывалось во 2-й армейский телеграфный батальон, его гражданские служащие переводились на военную службу. Отныне преимущественно местные корпуса получили собственные телефонные подразделения и подразделения радиосвязи, соответственно то же произошло и в дивизии. Весь процесс реформирования должен был занять несколько месяцев и про-

---

⁶ Генерал Э. Фалькенхайн (1861 – 1922), который с сентября 1914 г. по август 1916 г. являлся начальником Генерального штаба, после стратегических неудач был в августе 1916 г. заменен Гинденбургом и назначен командующим 9-й армией. Позже воевал в Турции, где командовал группой армий «Ф».

⁷ «З а з л у г и» – орден, бывший высшей военной наградой Пруссии до конца Первой мировой войны (с 1740 по 1918 г., с 1810 г. вручался только военным).

даться этап за этапом. Одновременно с этими организационными изменениями происходило изменение структуры дивизии. Дивизии, прежде имевшие в своем составе две пехотные бригады и одну артиллерийскую бригаду, становились трехуровневыми: три полка пехоты под командованием одного пехотного командира, один артиллерийский полк с приданными артиллерийскими частями усиления под командованием офицера-артиллериста. Наряду с этим были сформированы новые дивизии, более маневренные, хотя и уступавшие по мощи предыдущим.

Неоднократно первый генерал-квартирмейстер генерал Людендорф в поезде особого назначения появлялся в Турне. Бывшие наготове телефонные кабели и телетайпы сразу же подключались, когда Людендорф прибывал на фронт и передвигался по ходам сообщения в сопровождении штаб-офицеров. Беда, если что-то не ладилось! Командование Генерального штаба придавало расхлябанному течению строевой жизни резкий ритм, который малоподвижные престарелые генералы, зачастую дворянского происхождения, не способны были воспринять.

Не существовало никакого «командного принципа». К сожалению, после неоднократных роковых ошибок на начальном этапе войны созданные большими усилиями в ходе позиционной войны действительно выдающиеся средства телеграфной и телетайпной связи стали причиной того, что командиры на передовых позициях утратили инициативу. Получив возможность сделать срочный звонок в штаб, вместо того чтобы самим проявить ответственность и принять решение, они ждали приказа, как им действовать дальше.

Один раз летом 1917 г. командующего армии в Турне посетил германский кайзер. Я видел, как он ехал по оцепленной улице мимо домов с закрытыми окнами. Поскольку Вильгельм II самоустранился от командования, о нем больше никто не говорил. Те единственные командиры, от которых мы еще ожидали, что они приведут нас к победе, были Гинденбург и Людендорф.

На Восточном фронте, 1917 г.

Мои настойчивые попытки уйти со штабной работы наконец-то удались. Помогло письмо, отправленное в Баварский инженерный корпус в Мюнхене. В октябре меня перевели на Восток в 14-ю Баварскую пехотную дивизию на должность командира сдвоенного телефонного взвода. Я пересек всю Германию, проехал через Берлин и Восточную Пруссию и закончил свое путешествие в Митаве, Курляндия. Здесь заканчивалась железная дорога. Грузовик проехал мимо недавно взятых русских позиций. Вражеские телефонные линии из ржавой железной проволоки были проложены через «бутылочное горлышко». В Риге мост через Западную Двину (Даугаву) был взорван. 14-я Баварская дивизия, которая 1 сентября 1917 г. форсировала под Икскюлем 400-метровой ширины реку, располагалась всего лишь в 15 км северо-восточнее Риги, где протекали реки Большой и Малый Эгель (Лиела-Югла и Маза-Югла). В штабе меня встретили: командир дивизии генерал-лейтенант фон Раушенбергер, кузены начальник штаба майор фон Ярайс и адъютант и тоже майор Ярайс, который перед войной был начальником Кавалерийско-телеграфной школы. Встреча была прохладной. Мой предшественник был отправлен на родину по причине того, что «не участвовал» в коротких маневренных боях в последние недели. Несмотря на это, я начал свою службу в штабе дивизии. Командиры сдвоенных телеграфных взводов были опытные и умелые: лейтенант резерва Лангет в моем возрасте и более старый лейтенант ландвера Нот советовались со мной, чтобы выяснить причины неполадок и ликвидировать досадные сбои в работе.

С целью формирования и усиления дивизионного подразделения телеграфной связи перед наступлением он был пополнен двумя взводами из запаса: эксплуатационным взводом и взводом сигнальщиков. Эксплуатационный взвод состоял из годных для несения гарнизонной службы пехотинцев и артиллеристов, которые вплоть до этого дня не имели никакой подготовки в службе эксплуатации. Они не могли установить нормальную связь, даже используя правильно подготовленный провод. Взвод сигнальщиков состоял из почтовых секретарей общей службы; несмотря на свою специальность, они мало что понимали в знаках аппарата Морзе. Так что наладить необходимую светосигнальную связь не получилось. Мой предшественник из добрых побуждений сразу же их задействовал. Дивизия была отведена на пару дней на отдых в старый немецкий ганзейский город Ригу⁸. У меня появилось дотоле не испытанное чувство, когда прибалтийские немцы, гостеприимно нас принимавшие, приветствовали нас как освободителей. Нас восхищали ренессансные строения времени расцвета Ганзы; огорчало только отсутствие алкоголя, запрещенного русскими⁹, но мы покупали папиросы и конфеты со сладкой начинкой. Облик красиво одетых дам, в высоких красных сапожках из юфти, радовал взгляд. Только вот ночью нас одолевали городские клопы. Телефонная связь от штаба дивизии до полковых штабов поддерживалась с помощью проводов городского трамвая. Нас обучали этому в мирное время в теории, но мы никогда не пробовали осуществить это на практике. Большинство латышского населения было настроено враждебно. Мы посетили кладбище на краю города с недавно появившимися могилами жертв большевизма. Мой младший брат Тео, ему на то время было 8 лет, во время Второй мировой войны обретет здесь место последнего упокоения.

Затем весь сдвоенный взвод погрузили на паром и переправили через Даугаву и затем в железнодорожных вагонах перебазировали восточнее на 50 км. В середине леса инженерные

---

⁸ Рига возникла на месте древнего поселения ливов. В 1200 г. немецкие крестоносцы захватили это поселение ливов и основали здесь крепость – опорный пункт для дальнейшей колонизации. В Средние века Рига входила в Ганзейский союз. В 1710 г. взята русскими войсками, с 1721 г. официально в составе Российской империи.

⁹ С началом Первой мировой войны был введен сухой закон.

части построили погрузочную платформу в длину всего состава. Под ней земля была плотная и сухая. Я оставил под платформой – в довольно беспокойном месте – оба новых необученных взвода с довольствием. В начавшемся спустя несколько дней наступлении на Якобштадт (Екабпилс) участвовать они, понятно, не смогли. Предупредительная мера оправдала себя великолепно. Оба взвода самоотверженно прокладывали провода и обслуживали немногие коммутаторы. Используя линию связи с выдвинутым вперед корпусом, они нарастили ее с началом наступления, и она соединила дивизию с полками. Штаб дивизии в первый день наступления в течение 14 часов занимал прочное положение. Это была замечательная школа тактики. Затем неожиданно пошел дождь и лил двое суток без остановки. Песчаные дороги просто исчезли, не было видно орудийных колес. Саперы вырубали кусты и деревья по обеим сторонам дороги и бросали их в заполненные водой ямы. Лошади ломали в них кости и тонули. Очередные орудия проезжали прямо по ним. Это была первая распутица, которую я пережил. Еще многие ожидали меня впереди.

В конце октября 1917 г. эшелоны 14-й Баварской пехотной дивизии отправились с берегов Даугавы через Польшу в Галицию. После Брусиловского прорыва¹⁰ контрнаступление немецких и австрийских войск в восточной части австрийских коронных земель, Галиции с городом Тарнополь, который русские занимали несколько лет, позволило вернуть этот район¹¹. В окопах восточнее города шла вялая позиционная война, и, соответственно, у связистов было мало работы. Теперь в небольшой деревне вблизи Тарнополя шло систематическое обучение двух взводов. В сельской местности жили русины, в городах – поляки и евреи. Опрятные русины красили каждую неделю свои дома в разный цвет. Пышущие здоровьем девушки носили расшитые блузки, короткие юбки и высокие сапожки. Они пели песни вечером и в воскресные дни. Евреи, которые говорили на понятном нам идиш, были опытными переводчиками с обоих языков.

Главкомандующий генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский посетил дивизию на ее позициях. Холодный восточный ветер развеивал его седую бороду. Я должен был представить ему в блиндаже телефонистов, светосигнальщиков, рассказать о нашем взаимодействии с авиаторами, показать почтовых голубей. После обеда состоялось прохождение батальона торжественным маршем во главе с командующим армией австрийским генерал-полковником фон Бём-Эрмолли, за ним шли командиры 1-го Королевского прусского корпуса и наш штаб дивизии.

Русская революция привела к прекращению огня на фронте. Русские пригласили нас посетить их окопы. Они рассказывали с чувством глубокого удовлетворения, что их генерал сейчас работает на полевой кухне. Приходило множество немецких военнопленных, которых мы отправляли на родину, не имея ни малейшего понятия об их коммунистических взглядах. В Тарнополе мы видели православные церкви со священниками в праздничных облачениях и коленопреклоненных верующих. Когда возникал подходящий повод, в казино отмечали событие «ершом», состоявшим в равных долях из подогретого красного вина и коньяка.

Один раз штаб дивизии посетил баварский полевой епископ, будущий кардинал Фаульхабер, со своим викарием, будущим епископом Регенсбурга. Приезжали депутаты баварского ландтага, чтобы посмотреть на военные действия. После трех лет войны с наступлением перемирия можно было свободно вздохнуть. Сколько времени могло это продолжаться?

В середине декабря 1917 г. двоянный телеграфный взвод вместе с дивизией погрузился в вагоны и неделю спустя, проехав через всю Германию, прибыл в Ретель в Шампани. Мы прибыли 24 декабря, насквозь продрогшие, и провели печальный сочельник без откры-

---

¹⁰ Брусиловский прорыв – знаменитое наступление русского Юго-Западного фронта под командованием генерала А. Брусилова с 22 мая (4 июня) по конец июля (начало августа) 1916 г.

¹¹ Контрнаступление немцев и австрийцев в июле 1917 г. произошло после июньского наступления русских войск, вначале успешного, но потом угасшего под напором антивоенной пропаганды, разлагавшей войска.

ток-поздравлений от наших родных, без подарков и без рождественской елки, которая во всех прежних встречах Рождества на войне напоминала нам о доме.

Позиционная война на Западе продолжалась. Холодными и сырыми были окопы, отрытые в глинисто-меловой почве, где мы прокладывали телефонные кабели, удлиняли их и чинили. Нашим соседом была 1-я Баварская пехотная дивизия, где служил мой дядя Хаубс, командир подразделений связи. Капитан резерва Люст, командир связистов 14-й Баварской дивизии, прибыл позднее. В 1-й Баварской дивизии уже было подразделение радистов. Фон Хаубс, после сообщения о связи в Шампани, заронил во мне мысль о необходимости радиосвязи и самообразования по учебнику в желтой обложке доктора Фукса «Радиотехника».

Командир подразделения связи дивизии, 1918 г.

В феврале 1918 г. я стал командиром подразделения связи 1-й Баварской дивизии ландвера в городе Дьёзе, Лотарингия. Эта дивизия уже четвертый год занимала здесь надежно оборудованные позиции и не вела активных боевых действий. Штаб дивизии был размещен в городке Шато-Сален. В мирное время здесь был расквартирован гарнизон прусского 138-го пехотного полка и 3-го Баварского полка легкой кавалерии. Городок был чистый и уютный; его жители охотнее говорили на французском языке, чем на немецком. У меня было особое преимущество, так как начальник штаба капитан Глёлке и начальник материально-технической части штаба дивизии капитан Петри служили прежде в Баварском телеграфном батальоне и длительное время, подобно мне, в частях связи. Но они не вмешивались в мои дела. Командиром дивизии был генерал-лейтенант Эдер, бывший грозный комендант крепости Ингольштадт.

Мне подчинялось подразделение телеграфной связи дивизии под командованием лейтенанта Вагнера, позднее лейтенанта Шнайдера, перешедшего в подразделение радистов лейтенанта Лойбла. В моем распоряжении были также четыре передвижные голубятни и собаки связи. Моей обязанностью было обеспечивать связь между частями и поставку необходимых для этого аппаратов связи. Мой адъютант Альт был лейтенантом, как и я. Связь на широком участке фронта играла важную роль. Мне помогали освоиться в моей должности два из трех офицеров связи полка – Райзингер и Штурм, мои товарищи по училищу в Регенсбурге. Кроме надежной телефонной связи, была подготовлена светосигнальная сеть, для которой Вагнер возвел особой конструкции бетонные бункеры, одновременно предназначавшиеся также для пунктов наблюдения дивизии. Их обзорные щели поворачивались на 360 градусов, что также давало возможность пользоваться светосигнальной связью по всем направлениям. Вход в бункеры был под землей. Друг над другом располагались два этажа укрытия, предназначенные для телефонной и светосигнальной связи. Места вылета почтовых голубей, оборудованные поблизости от командиров рот на передней линии, станции связи, находившиеся недалеко от штаба дивизии, собаки для связи между ротами и батальоном стали здесь привычным делом. Устройство для выбрасывания кабеля и минометные мины были готовы для боевых действий.

Весной 1918 г. на этом фронте, имевшем второстепенное значение, началось оживленное движение, только позже стало известно, что это был отвлекающий маневр. Наряду с другими действующими дивизиями в нашем тылу в Дьёзе расположилась 10-я Баварская пехотная дивизия, в телефонном подразделении которой служил мой брат лейтенант Эдуард. Гинденбург принял в Дьёзе грандиозный парад. Поблизости в Саарбурге (Сарбуре) тренировались первые немецкие танковые части. Были продемонстрированы трофейные английские танки Марк V и неуклюжие немецкие A7 V. На участок фронта дивизии ландвера был подвезен голый провод, который использовали для прокладки линий связи в направлении противника. В дивизию, кроме уже имевшегося подразделения радиосвязи, было добавлено еще одно. Оба действовали согласно подготовленному в Генштабе плану, с целью создать видимость большой загрузки сети и подготовки к наступлению. Позволил ли противник себя обмануть, поверив в серьезность этих приготовлений, сказать трудно. Во всяком случае Великая битва во Франции началась совсем в другом месте. На нашем участке фронта снова наступило затишье, лишь изредка нарушаемое вылазками врага или действиями нашей штурмовой роты, состоявшей из добровольцев полка. Каждая операция готовилась отважным ротным капитаном Шмидтом на учебных макетах на местности. Порядок действий каждого подразделения отрабатывался десятки раз. Почти все неожиданные вылазки заканчивались успешно, и каждый раз брали пленного, чтобы получить сведения о расположении частей противника. Как-то раз штурмовая рота удерживала вражеский окоп в течение суток. Мы установили с ней телефонную связь с помощью метателя кабеля, посредством которого к роте был переброшен провод

через нейтральную полосу. Еще меньше нравились специальные гранаты, в которые, как в капсулу, помещались письменные донесения и выстреливались с помощью гранатомета. Снаряд было трудно обнаружить, и к тому же он был сильно раскален. Лето 1918 г. прошло, можно сказать, в мирных заботах. Приказы и распоряжения поступали по телефонному аппарату и в той опасной зоне, где раньше связь была запрещена. Радисты были настроены на прием, несмотря на то что противник не нападал и линия связи не была перебита. Собаки связи, несмотря на артиллерийский огонь, храбро бегали взад и вперед, почтовые голуби быстро летели к штабу дивизии. Новизна заключалась в приемных радиостанциях, которые прослушивали радиосообщения французских самолетов-корректировщиков. Авиаторы нажимали на ключ неуверенно и неловко, координаты предполагаемых целей, которые они передавали, сразу же наносились на трофейную карту. Чаще всего речь шла об огневых позициях артиллерии, по телефону быстро предупреждали артиллеристов об опасности, так что они могли вовремя подготовиться. Было само собой разумеющимся, что все эти средства связи и ее организация входили в компетенцию командира подразделений связи дивизии. Должно было пройти 17 лет, прежде чем я снова занял тот же пост, а тогда был еще лейтенантом, а в апреле 1918 г. – обер-лейтенантом.

Мне всегда приходилось сначала заниматься практическими делами, а потом изучать теорию. В октябре 1918 г. я был командирован в школу связистов Шпандау-Рулебен на курсы командиров подразделений связи дивизии. Школьная скамья была для меня непривычна, но полезна, особенно что касалось радиосвязи. Лекции о технике связи и радиосвязи показали мне, сколько требовалось сил и средств, чтобы обеспечить фронт современными средствами связи.

Новым изобретением был сложный в устройстве недемпфированный радиоаппарат, который уже поступал на фронт. Мы рассматривали световые телефоны с селеновыми элементами, которые должны были выпускаться серийно. Почтовые голуби несли на себе миниатюрные камеры. Мы слышали о предпринимаемых попытках использовать для передачи сообщений пчел. Мы обозревали мощные антенны и машины радиостанции в Науэне, ее длинные волны в первый раз обошли всю Землю. На главном почтамте в Берлине мы видели поступающие от Запада до Востока телетайпные сообщения, передаваемые с помощью быстродействующих телеграфных устройств Хьюза и Сименса по неизолированным проводам связи. В то время она была проложена через Балканы в Константинополь и до Ближнего Востока и далее до Палестинского фронта. Мы прочитали бегущие строки телетайпа, сообщавшие о взятии Дамаска англичанами.

Берлин был уже не тот, каким я увидел его в 1916 г. Бросались в глаза множество плохо одетых солдат, у которых был совсем не военный вид. Случайно на Унтер-ден-Линден я наблюдал за въездом в город отпущенного на свободу Либкнехта. Впереди редкой толпы были конные полицейские усачи в синем, в островерхих шлемах, за ними шел Либкнехт. Навстречу ему устремилась ревущая толпа. Говорили о «Спартаке», дезертирах, мятежах и революции.

Для меня это осталось незабываемым воспоминанием, когда 10 ноября 1918 г. командир дивизии генерал-лейтенант Эдер надломленным голосом сообщил своему штабу, тем самым и мне, о падении монархии и беспрепятственном бегстве кайзера, об отказе от трона всех союзных монархов, среди них нашего короля Людвига III, которому мы клялись в верности. Глубокое потрясение вызвали условия перемирия, требовавшие безоговорочной капитуляции и оставления Эльзаса и Лотарингии, которых враг не смог захватить в бою, которые мы стойко удерживали на протяжении четырех лет в войне за Родину.

Мы слышали о солдатских советах и революции на Родине. Было ли для нас, природных монархистов, разочарование большим, чем для нас, как солдат? Мы присягали на знамени нашему королю, но мы сражались не за него, а за наше отечество, чьими символами были кайзер и король. Мы сражались больше четырех лет, видели смерть наших лучших товарищей и похоронили их в чужой земле. Что сделала Родина, которую мы защитили, что сделали

монархи и их правительства для того, чтобы выиграть войну? Мы чувствовали, что измена была в тылу. Были ли все те резервы, которыми располагал германский рейх, использованы и задействованы? Теперь мы должны были сдать без боя «землю рейха» – Эльзас и Лотарингию. Соблюдая порядок, мы оставляли Дьёз и видели, как наши квартирные хозяйки и девушки вывешивали трехцветные флаги, готовясь к праздничной встрече французских войск. По понтонному мосту мы перешли Рейн у Хагенау (Агно), почти в том самом месте, где в августе 1914 г. начали продвижение на Запад.

После этого, заболев гриппом, я оказался в лазарете в Раштатте; многие из тех, кто уцелел под вражеским огнем, умерли здесь. Еще не совсем здоровый, я вернулся в дивизию в свою часть, стоящую в Пфорцхайме. Зажиточный хозяин квартиры настойчиво уговаривал меня отправиться в Мюнхен и убить Эйснера¹². В столице молодые офицеры запасных частей и штабов бездействовали из страха «лишиться пенсии», ни один чиновник королевского дома и военного министерства не осмелился выступить в поддержку престарелого короля. Никто не мог принять решение о вызове в город подразделений Баварского корпуса, расквартированного в его окрестностях; все это говорило о том, что было уже поздно противостоять распаду, предательству и мятежу и восстановить порядок.

Наши солдаты хотели домой. В основном это были молодые призывники. Когда мы в одной вюртембергской деревне ждали прибытия транспорта, солдаты, направлявшиеся домой, стали вести себя слишком шумно, мешая ночному отдыху командира дивизии. Он отдал приказ подразделениям связи, недооценив обстановку, отправляться дальше пешим маршем. Впервые возникло взаимонепонимание и недовольство. Солдаты отказались идти маршем несколько недель в зимнее время. Генерал Эдер с тяжелым сердцем был вынужден отменить приказ. Нас демобилизовали в полевой церкви под Мюнхеном, и мы сдали лошадей, оружие и аппараты на сборном пункте.

Война завершилась, все окончилось поражением и катастрофой.

Была пройдена часть жизненного пути. Мнимое благополучие мирного времени с его напряженной учебной, сформировавшей солдата, сменилось кровавыми годами военных лет. Юноша под ответственным руководством своих командиров повзрослел и стал мужчиной. Я знал, что половина моих школьных товарищей погибла, мне все чаще приходилось стоять на краю свежерытой могилы. Несмотря на все жертвенные усилия, отечество стояло на пороге анархии. Где теперь было место солдата? Оставался ли вообще таковой?

---

¹² Э й с н е р Курт (1867 – 1919) – глава республиканского правительства, образовавшегося в ноябре 1918 г. в Баварии после свержения монархии. Представитель «независимцев». 21 февраля 1919 г. был убит монархистом графом Арко-Валеем.

Между двумя мировыми войнами 1918-1939 гг.

Нюрнберг, 1919 г.

В начале 1919 г. я стал начальником паспортного отдела 3-го батальона связи в Нюрнберге. Я должен был расписываться на документах демобилизовавшихся призывников. Рядом с моей стояла подпись члена солдатского комитета. Но их отсутствие продолжалось недолго, так как французский гарнизон в Пфальце отсылал людей обратно, и они, с дважды зарегистрированными документами, конечно, хотели оказаться дома. Президиум нашего солдатского комитета маршировал вместе с батальоном, четко держа строй, в направлении штаба, чтобы участвовать в митинге протеста против коммунистов. Нам, младшим офицерам, не подошло устраняться от этого мероприятия, оставляя солдат без командиров. Боязливый командир батальона упрасивал нас: «Только постарайтесь поладить с солдатами!» Он направил меня в Союз офицеров, сложившийся на общности интересов и сформированный из представителей всех воинских частей Нюрнберга, которых мне не было возможности увидеть. Здесь задавал тон капитан Хайсс из 14-го Баварского пехотного полка, которого я знал как храброго командира батальона по делу у Буа-Брюле. Он был основателем «Флага рейха». Что представляет собой политика, которая опьяняет длительное время все умы? Я пришел на собрание всех партий. В партии «независимцев» (представителем которой был глава республиканского правительства Эйсер) я снял свой галстук и заменил его красным платком. Я разочаровался в борьбе всех против всех, с вечными скандалами и руганью. Затем меня захватила мысль расстаться с моей ненужной профессией. Доктор Забель из Коммерческого училища преподавал бухгалтерию, коммерческий счет и другие подобные предметы. Ответственный работник по кадрам рекомендовал в качестве самых перспективных профессию теолога и дантиста. Обе не вдохновили меня. Старые офицеры нашего рода войск имели разностороннее техническое образование. Три года они были учениками Военно-технической академии в Берлине или Артиллерийского и инженерного училища в Мюнхене. Теперь их дипломы нигде в Германии не имели гражданского признания.

Из Берлина пришел приказ снять погоны. Офицеров теперь узнавали по синей нарукавной нашивке. Везде, где было возможно, мы ходили в гражданской одежде. На военной службе для многих новых призывников не хватало оружия, лошадей, транспортных средств, технических приборов. Мы, офицеры, обедали в ресторане в Гросройте (район Нюрнберга). Вечерами мы, я и капитан Ланг из 6-го Баварского пехотного полка, мой военный товарищ, чаще всего проводили время в небольшом винном погребе или в одной из многих «рыбных кухонь», появившихся в огромном количестве в Нюрнберге. В «кафешках» при сумеречном свете по вечерам распивали вино и кофе. В сравнении с Берлином или Мюнхеном, где царил дух исполненной ненависти гражданской войны, Нюрнберг отличала умеренность. Сознательные рабочие шли на свои предприятия, толпа не играла никакой роли.

Для меня было полной неожиданностью, когда я, пребывая в неопределенности о своем будущем, получил назначение в Берлин на должность «баварского офицера-связиста в Управлении по поставкам приборов связи». Подобного назначения я и представить себе не мог и терялся в догадках. У баварского военного министра в Мюнхене я ничего не разузнал. Здесь, в здании министерства, появились люди, у которых были другие заботы после провозглашения Советской республики. В переднем крыле здания на Людвигштрассе всем заправлял матрос Эгльхофер, в заднем крыле, выходящем на Шёнфельдштрассе, офицеры министерства просиживали за канцелярскими столами положенные им часы. В инспекционном учреждении инженерного корпуса один офицер-сапер в высоком чине сказал мне: «Мы сделали в ноябре

то, что теперь нам придется еще раз переделать!» Официальная связь Мюнхена с внешним миром все еще не действовала. Меня забрасывали вопросами о баварском правительстве, которое просто исчезло из Мюнхена, не озаботясь положением его чиновников и офицеров. Генерал-майор Кёберле и майор Лутц поручили мне, вместо поездки в Берлин, отправиться в Северную Баварию и попытаться найти там правительство и убедить его вернуться обратно. На главном вокзале Мюнхена была очень напряженная обстановка. На лестнице перед платформами стоял тяжелый пулемет привокзального патруля. Когда большая толпа народа ринулась вперед, поверх голов была дана очередь по стене над главным входом. Появились тут же агитаторы и заорали: «Выступим против неприкрытого насилия!» Они сами благоразумно оставались под защитой стены, в то время как напуганные пассажиры, прежде всего женщины, хотевшие покинуть город, устремились к кассам. Предъявив свое предписание о поездке в Берлин, я приобрел билет до Нюрнберга, где мой друг Фрич через своих знакомых узнал о том, что правительство находится в Бамберге. Там, в замке я встретил трех штаб-офицеров, приехавших сюда самостоятельно, не известив об этом военное министерство. Затем появился баварский премьер-министр Хофман, учитель и социал-демократ из Пфальца, вместе со своими коллегами министрами. Сам военный министр Шнеппенхорст пожал мне руку своей искалеченной вследствие несчастного случая рукой. На мой вопрос, будет ли и дальше министр работать под руководством Эгльхофера, был получен отрицательный ответ. На следующий вопрос, должны ли офицеры войти в баварский добровольческий корпус фон Эппа, сформированный в Ордруфе, он решительно отказался отвечать. Баварцы наведут порядок без помощи Северной Германии. Следует считать, что служащие министерства находятся в отпуске. Эти сведения, которые я должен был передать мюнхенцам, были просто ни о чем. Обстановка в Мюнхене, незадолго перед моим возвращением, становилась все более неопределенной. Я еще застал работников министерства, которые были вынуждены считаться с угрозой ареста, в своих квартирах. Затем я обеспечил их билетами, приобретя их в нескольких кассах по своему документу, и наконец-то и сам отправился в столицу рейха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.